

18+

НОВЫЙ ПЕРЕВОД

ЧАРЛЬЗ
ДИККЕНС

Мистерия ЭДВИНА ДРУДА

Чарльз Диккенс

**Мистерия Эдвина
Друда. Новый перевод**

«Издательские решения»

Диккенс Ч.

Мистерия Эдвина Друда. Новый перевод / Ч. Диккенс —
«Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Новый перевод Алексея Козлова романа «Мистерия
Эдвина Друда» («The Mystery of Edwin Drood») — последнего, неоконченного
произведения Чарльза Диккенса, написанный в жанре готического детектива.
Год издания 1870 г.

© Диккенс Ч.

© Издательские решения

Содержание

Глава I	6
Глава II	9
Глава III	18
Глава IV	27
Глава V	34
Глава VI	39
Глава VII	46
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Мистерия Эдвина Друда Новый перевод

Чарльз Диккенс

Дизайнер обложки Алексей Борисович Козлов

Переводчик Алексей Борисович Козлов

© Чарльз Диккенс, 2026

© Алексей Борисович Козлов, дизайн обложки, 2026

© Алексей Борисович Козлов, перевод, 2026

ISBN 978-5-0070-9303-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава I

Рассвет

Что это такое? Башня старинного английского собора? Какая чушь! Откуда здесь взялась башня старинного английского собора? Знаменитая массивная серая квадратная башня старого собора? Как она могла очутиться здесь? И ржавый шпиль маячит перед ней! Что это такое? Не может такого быть, нет ни одного ржавого железного шпиля, с какой точки ни посмотри, нет! Что это за шип, который мешает всем, и кто его установил? Может быть, это сделано по приказу султана для того, чтобы одного за другим сажать на кол орду турецких разбойников? Так оно и есть, потому что звенят тарелки, и султан длинной кавалькадой направляется к своему дворцу. Десять тысяч ятаганов сверкают на Солнце, ослепляя толпу, и трижды по десять тысяч танцовщиц пляшут и разбрасывают цветы. Затем следуют белые слоны, облаченные в бесчисленные великолепные попоны, с бесконечным числом сопровождающих индусов.

Башня собора по-прежнему возвышается на заднем плане, там, где её быть не должно, и по-прежнему нет извивающейся фигуры на мрачном шпиле. Куда она делась? Не спешите! Остановитесь! Тут надо подумать!

Неужели шпиль такой же низкий, как ржавый шип на верхушке столба старой кровати, которая совсем перекосилась?

Какое-то время дремотного смеха должно быть посвящено рассмотрению этой возможности. Дрожа с головы до ног, человек, чьё рассеянное сознание таким фантастическим образом собирается воедино, наконец тяжело поднимается, ощупывает своё дрожащее тело руками и испуганно оглядывается вокруг.

Он находится невесть где в самой убогой и тесной из комнатушек, которую не назовёшь даже нищенской. Сквозь рваные оконные занавески в убогий двор проникает свет раннего утра. Он лежит, одетый, поперёк большой, ужасающего вида кровати, остов которой чудовищно прогнулся под тяжестью кучи тел. На кровати, тоже одетые и тоже поперёк, а не продольно, лежат китаец, ласкар и измождённая женщина. Первые двое спят или находятся в ступоре; последняя дует во что-то наподобие трубки, пытаясь её разжечь. И когда она дует в трубку, то прикрывает её своей костлявой рукой, вызывая в ней красную яркую, светящуюся искру, которая заменяет здесь лампу, и этим тусклым утром он вдруг видит её.

— Ещё? — спрашивает эта женщина ворчливым, дребезжащим шёпотом, — Хочешь ещё?

Он дико оглядывается по сторонам, приложив руку ко лбу.

— Ты выкурил целых пять косяков с тех пор, как пришёл в полночь, — продолжает женщина, постоянно жалуясь на судьбу, — Бедная я, бедная, у меня так болит голова!. Эти двое пришли после тебя! Чем я всё это заслужила? Ах, бедняжка, дела нынче идут туго, совсем туго! В доках мало китайцев, ласкаров еще меньше, а говорят, корабли не заходят! Вот ещё один заказик для тебя, дорогуша. Ты ведь, как добрая душа, помнишь что рыночная цена сейчас очень кусается? Не меньше трёх шиллингов и шести пенсов за напёрсток! И помнишь, что никто, кроме меня (и Джека Чайнмена, сидящего по другую сторону корта; но у него это получается не так клёво, как у меня) владеет настоящим секретом приготовления этого зелья? Ты заплатишь соответственно, дорогуша, не так ли?

Говоря это, она дует в трубку и, время от времени пуская влажные пузыри, вдыхает большую часть её содержимого.

«О, я, о, я, как мои легкие слабы, как мои лёгкие плохи! Для тебя, дорогуша, уже всё почти готово. Ах, бедная я, бедная я, моя бедная рука дрожит так, что вот-вот отвалится! Я вижу, что ты уже очухался, и говорю себе, бедняга! «Я приготовлю для него другой состав, а он будет всегда помнить о рыночной цене опиума и платить как надо! О, моя бедная головушка! Я делаю свои трубки из старых пенсовых чернильниц, видишь ли, дорогуша, — вот такая, — и вставляю мундштучок, вот так, и вынимаю смесь из этого напёрстка с помощью маленькой роговой ложечки; и так я наполняю, дорогуша. Ах, мои бедные нервы! Ах, мои усики! Ах, мои перчатки! Я напивалась до беспамятства целых шестнадцать лет, прежде чем решилась на это; но это, видит бог, по крайней мере, не причиняет мне боли, не говоря уже о том, что я теперь почти ничего не ем, только экономлю на еде. И это утоляет не только голод, но и остроумие, дорогой мой!

Она протягивает ему почти опустошённую трубку и откидывается на спинку стула, переворачиваясь на живот. Он неуверенно поднимается с постели, кладёт трубку на каменную плиту у камина, отдёргивает рваную занавеску и с отвращением смотрит на трёх своих спутников. Он замечает, что женщина накурилась зелья и стала странным образом схожа с китайцем. Форма его щек, глаз и висков, а также цвет кожи практически полноценно повторяются в ней. Упомянутый китаец объят какими-то конвульсиями, он судорожно борется с одним из своих многочисленных Божков или, возможно, дьяволов и ужасно рычит. Ласкар смеётся, и у него текут изо рта жёлтые слюни. Хозяйка всё ещё на месте.

«Какие видения могут быть у неё?» — размышляет проснувшийся мужчина, поворачивая её лицо к себе и стоя, пытливым взором глядит в него сверху вниз, — Видения о множестве мясных лавок, трактиров и чего-то подобного, где всё отпускается в кредит, теперь в большом почете? О росте числа этих грязных, отвратительных клиентов, о том, что эта ужасная кровать заменена на новую, а этот ужасный двор чисто выметен? Выше этого ей не прыгнуть, сколько ни выкури зелья...

— А?

Он наклоняется к её уху, чтобы расслышать её бормотание. Неразборчиво! Когда он наблюдает за судорожными конвульсиями, которые пробегают по её телу и врываются на её лицо и конечности, словно её непрерывно бьёт молния с тёмного неба, его охватывает какая-то томительная тошнота и опустошённость, и он вынужден опуститься в мягкое кресло у камина, поставленное там, вероятно, для таких случаев — и сидеть в нём, крепко держась за подлокотник, пока он не одержит верх над этим нечистым духом подражания. Затем он возвращается, набрасывается на китайца и, схватив его обеими руками за горло, с силой прижимает к кровати. Китаец сжимает скрюченные руки, сопротивляется, задыхается и, как может, протестует.

— Что вы на это скажете?

Минута настороженной тишины. Неразборчиво! Медленно ослабляя хватку, внимательно прислушиваясь к бессвязному жаргону, он поворачивается к Ласкару и буквально тащит его по полу. Падая, ласкар приподнимается, сверкает глазами, яростно размахивает руками и выхватывает призрачный, воображаемый нож. Затем становится очевидным, что женщина завладевает этим ножом в целях безопасности; поскольку она тоже вскакивает, удерживает его и пререкается с ним, теперь нож виден под её платьем, а не в его, когда они сонно ложатся бок о бок. Между ними было достаточно суматохи, шума и стука, но безрезультатно. Когда в воздух

вылетало какое-либо внятное слово, оно не имело ни смысла, ни связи. Поэтому «ничего тут не разберёшь!» — это снова комментарий наблюдателя, сделанный с некоторым одобрительным кивком головы и мрачной улыбкой. Затем он кладёт на стол несколько серебряных монет, находит свою шляпу, ощупью спускается по разбитой лестнице, желает доброго утра какому-то привратнику, борцу с кишачными вокруг крысами, который спит в чёрной каморке под лестницей, и исчезает.

В тот же день после полудня перед взором измученного путешественника предстаёт массивная серая квадратная башня старого собора. Колокола звонят и зовут к ежедневной вечерней службе, и ему, видимо, необходимо на неё попасть, поскольку, как мы видим, он спешит к открытым дверям собора.

Хор в спешке надевает свои запятнанные белые одежды, когда он оказывается среди них, надевает свою личную рясу и присоединяется к процессии, идущей на службу. Затем ризничий запирает окованные железом ворота, отделяющие святилище от алтаря, и вся процессия, разбежавшись по своим местам, прячет лица; и тогда произнесённые нараспев слова: «КОГДА ЗАГЛЯНЕТ НЕЧЕСТИВЫЙ...» — поднимаются грозными волнами среди сводов и балок крыши, пробуждающимся приглушенным громом.

Глава II

Декан, и Другие.

Тот, кто наблюдал за степенной, церковной птицей, грачём, возможно, заметил, что, когда он с наступлением темноты летит домой в компании столь же степенных и столь же воцерковлённых особ, он вдруг замечает, как два грача замедляют полёт и внезапно отделяются от остальных, продолжают свой полет на некоторое расстояние и там застывают, а потом каркают своим спутникам, что они летят в обратном направлении. простые люди воображают, что это имеет какое-то оккультное значение для политического устройства, что эта хитрая пара притворяется, будто отказалась от какой-либо связи с ним.

Точно так же, когда служба в старом соборе с квадратной башней заканчивается, и хор снова затихает, а несколько почтенных персон, похожих на грачей, расходятся, двое из этих последних возвращаются по своим следам и идут вместе по гулкому коридору. На исходе не только день, но и год. Низкое Солнце за развалинами монастыря жгучее и в то же время холодное, и лиана Виргинии на стене собора сбросила половину своих тёмно-красных листьев на мостовую. Сегодня днём прошел дождь, и зимняя дрожь, как оторопь, пробегает по маленьким лужицам на расстрескавшихся, неровных каменных плитах и по гигантским вязам, когда они проливают предзимние слёзы. Их опавшие листья густо разбросаны вокруг. Некоторые из этих листьев в робком порыве ищут убежища за низкой арочной дверью собора; но двое выходящих мужчин оказывают им сопротивление и пинками вышвыривают их обратно на улицу; после этого один из них запирает дверь на здоровенный ключ, а другой убегает с нотным фолиантом.

— Это был мистер Джаспер, Топ?

— Да, ваше Преподобие!

— Что-то он сегодня задержался допоздна?

— Да, господин декан! Я остался ради него, ваше преподобие. Ему стало немного не в себе!

— Правильно говори — «не по себе!», — вполголоса вставляет младший грач, делая поправку таким тоном, как будто кто-то должен сказать: «Ты можешь предлагать плохую грамматику мирянам или низшему духовенству, но не декану».

Мистер Топ, старший служитель и шоумен, привыкший быть в восторге от экскурсионных групп, которые он показывает собор, с молчаливым высокомерием отказывается воспринимать какие-либо замечания, сделанные ему. — А когда и как мистеру Джасперу стало не себе, потому что, как заметил мистер Криспаркл, лучше сказать «не по себе», — повторяет декан, — когда и как не по себе стало мистеру Джасперу...

— Так точно, сэр! Принято!, — почтительно бормочет Топ.

— Плохо ему стало, Топ? Каким образом?

— Что? Сэр, мистер Джаспер, это, дышал так тяжело... — Я бы не сказал, что «это дышал», Топ, — вмешивается мистер Криспаркл с тем же оттенком в голосе, что и раньше., — Это не по-английски — неудобно как-то перед деканом.

«Было бы предпочтительнее «задохнулся до такой степени, что аж дурняк», — снисходительно замечает декан (не оставим без внимания это косвенное признание).

— Дыхание мистера Джаспера было таким тяжёлым и таким, чёрт, прерывистым, — осторожно встрял мистер Топ, тщательно обходя новоявленную подводную

скалу, — когда он вошёл, что ему было очень трудно достать свои записи, что, возможно, и стало причиной того, что через некоторое время с ним случилось что-то вроде припадка. Его память затуманилась, затмилась вся, — трещит мистер Топ, не сводя глаз с преподобного мистера Криспаркла, выпаливал эти слова, как бы бросаая ему вызов, чтобы тот исправил его Нагорную проповедь, — и на него накатили эдакие сумерачность сознания и головокружение, такие странные, каких я в жисть никогда не видывал, хотя сам он, казалось, не особенно кумекал про это. Однако немного времени и стакан воды вывели его из оцепенения! Мистер Топ повторял это с напором на ударные слова, как бы говоря: «Раз я добился успеха, я добьюсь его сызнова».

— И мистер Джаспер ушёл домой в полном одиночестве, не так ли? — спросил декан.

— Ваше преподобие, он ушёл домой в полном одиночестве. И я рад был бы видеть, что он разводит огонь в камине, потому что после дождя здесь прохладно, а в соборе сегодня днём была сырость на ощупь, и он сильно продрог.

Тут они все трое, как один, впериваются глазами в старую каменную сторожку у ворот, пересекающую Клоуз, под которой проходит арочная улица. Через решётчатое окно на быстро темнеющую сцену падают отблески огня, окутывая тенью свисающие массы плюща и ползучих растений, покрывающих фасад здания. Когда глубокий соборный колокол отбивает час, по ним пробегает всполох ветра, словно отзвук торжественного звука, который разносится по гробницам и башням, разбитым нишам и обезображенным статуям, сложенным в кучу неподалеку.

— Племянник мистера Джаспера с ним? — спрашивает декан.

— Нет, сэр, — ответил служка, — но я ожидаю его. Вон, кстати, его одинокая тень между двумя окнами — тем, что выходит в эту сторону, и тем, что выходит на Хай — Стрит, — он сейчас сам задёргивает шторы.

— Ну-ну, — говорит декан, с весёлым видом прерывая это маленькое совещание, — я надеюсь, что мистер Джаспер не слишком привязан к своему племяннику. Наши чувства, какими бы похвальными они ни были, в этом бренном мире никогда не должны до конца овладевать нами; мы должны направлять их и постоянно руководить ими. Я обнаружил, что звонок к обеду не вызывает у меня неприятных воспоминаний. Может быть, мистер Криспаркл, вы перед уходом домой заглянете к Джасперу?

— Конечно, мистер Дин. И можно сказать ему, что вы были так добры и хотели узнать, как у него дела?

— Да, сделай это, сделай так. Безусловно. Хотел узнать, как у него дела. Любыми средствами хотел осведомиться, как у него дела!. Хотел осведомиться.

С приятным покровительственным видом декан приподнимает свою причудливую шляпу, насколько это возможно для декана в хорошем расположении духа, и направляется своей изящной походкой в ярко-красную столовую уютного старого дома из красного кирпича, где он в настоящее время «проживает» с миссис Дин и мисс Дин.

Мистер Криспаркл, младший каноник, светловолосый и румяный, постоянно ныряющий с головой в глубокие проточные воды где-нибудь в округе, мистер Криспаркл, младший каноник, рано встающий любитель музыки, классической музыки, весёлый, добрый, благодетельный, общительный, довольный и похожий на мальчика, мистер Криспаркл, младший каноник и хороший человек, в своё время до дыр «исколесивший» главные дороги язычества и тамошней словесности, но с тех пор, как у него появился покровитель (благодарный за хорошо обученного сына),

ставший ныне примерным христианином, направляется в сторожку у ворот, чтобы сперва выпить чаю.

— Жаль слышать от Топа, что ты неважно себя чувствуешь, Джаспер!

— О, это было ничего, ничего! Пустое место!

— Ты выглядишь так себе, немного усталым!

— Ты так думаешь? Нет, я в норме!. Что ещё лучше, я так не считаю. Подозреваю, что Топ перегнул палку. Знаешь, это его профессия — выжимать максимум из всего, что связано с Кафедральным собором.

— Я могу сказать декану — я специально могу капнуть декану, — что с тобой опять всё в полном порядке?

Ответ, сопровождаемый легкой улыбкой, был таков:

— Конечно, с моими обнимашками, и уважухами, и благодарностью декану.

— Я рад слышать, что ты заждался молодого Друда!

— Я жду этого дорогого для меня парня с минуты на минуту!

— Ах! Он принесёт тебе больше пользы, чем врач, Джаспер.

— Да! Больше, чем дюжина лекарей. Потому что я его очень люблю, и я ох-как не люблю врачей и всё такое прочее.

Мистер Джаспер — смуглый мужчина лет двадцати шести, с густыми, блестящими, хорошо уложенными чёрными волосами и бакенбардами. Он выглядит старше своих лет, как это часто бывает со смуглыми мужчинами. У него глубокий и приятный голос, красивые лицо и фигура, да, немного мрачноватые манеры. Его комната тоже чуть-чуть слишком мрачновата, и, возможно, это повлияло на формирование его характера. В основном в комнате всегда царит полумрак. Даже когда ярко светит Солнце, оно редко достигает рояля в нише, двух нотных тетрадей на подставке, или книжных полок на стене, или незаконченного портрета цветущей школьницы, висящего над камином; её распущенные каштановые волосы плотно перевязаны голубой лентой, а красота отличается совершенно детской милотой, с почти младенческой ноткой дерзкого каприза, комично осознающего себя. (В этой картине, представляющей собой простую мазню, нет ни малейших художественных достоинств, но ясно, что художник сделал её похожей на оригинал с юмором — можно даже сказать, с известным чувством мести.)

— Нам будет не хватать тебя, Джаспер, сегодня вечером на «Альтернативных Музыкальных Средах», но, без сомнения, тебе лучше всего пока быть дома. Спокойной ночи! Да благословит тебя Бог! «Скажи мне, пастушок, скажи же мне, скажи мне, ты не видал (не видел, мой дружок), о, моя Фло-о-ора здесь не проходила-инии-ла? — мелодичный минорный канон преподобный Септимус Криспаркл пропевает, пролепётывет почти в музыкальном ритме, когда высовывает своё дружелюбное лицо из дверного проёма и исчезает, спускаясь вниз по лестнице. Преподобный Септимус и ещё кто-то, стоящий у подножия лестницы, обмениваются звуками приветствия. Мистер Джаспер прислушивается, вскакивает со стула и заключает молодого человека в объятия, восклицая: «Мой дорогой Эдвин!»

— Мой дорогой Джек! Как я рад тебя видеть!

— Снимай пальто, умничка, и садись сюда, в свой уголок. У тебя ноги не промокли? Снимай сапоги. Снимай скорее мокрые сапоги!

— Мой дорогой Джек, я сух как стёклышко. Не надо этого моддли-коддли, я хороший парень, ничего, всё пучком. Мне нравится больше, когда со мной не особенно нянчатся!

Сознавая, что ему не следует сдерживаться в порыве добродушного восторга, мистер Джаспер застывает неподвижно и пристально вглядывается в молодого

человека, снимающего с себя пальто, шляпу, перчатки и тому подобное. Раз и навсегда понятно, что когда к яшмовому лицу обращаются с такими экивоками, на нём всегда появляется пристальное выражение — выражение голодной, требовательной, настороженной и в то же время верной привязанности. И всякий раз, когда к нему обращаются таким образом, он никогда, ни в этом случае, ни в любом другом, не разменивается на пустяки; он всегда сконцентрирован.

— Теперь, правда, можно юркнуть в свой уголок, Джек. Хочешь поужинать, Джек?

Мистер Джаспер открывает дверь в дальнем конце комнаты, и за ней оказывается небольшая внутренняя комната, приятно освещённая и обставленная. Мило-видная дама как раз расставляет яства на столе.

— Какой славный старина Джек! — восклицает молодой человек, хлопая в ладоши, — Послушай, Джек, скажи мне, чей сегодня день рождения?

— Не твой, я знаю! — отвечает мистер Джаспер, делая паузу, чтобы подумать.

— Не мой, понимаешь? Нет, не мой, я согласен! Кискин!

Каким бы пристальным ни был взгляд, которым встречает его молодой человек, в нём всё же есть какая-то странная сила, заставляющая его внезапно ткнуть пальцем в рисунок над камином.

— За киску, Джек! Мы должны поздравить её с днём рождения! Пойдемте, дядя, ну, приглашайте вашего послушного и сообразительного племянника на ужин.

Когда мальчик (а он ещё совсем маленький) кладёт руку на плечо Джаспера, Джаспер сердечно и весело кладёт руку ему на плечо, и так, под марсельезу, они идут ужинать.

— И, боже мой! А вот и миссис Топ! — кричит мальчик, — И как похорошела! Дела ещё круче, чем когда-либо, как я вижу!

— Не обращайтесь на меня внимания, мистер Эдвин, — возражает жена служки, — я сама могу о себе позаботиться.

— Ты не можешь. Ты слишком красива. Поцелуй меня, потому что у Киски сегодня день рождения!

— Молодой человек, будь я Киской, как ты её величаешь, я бы зацеловала тебя до смерти! — отвечает миссис Топ, краснея от комплиментов. — Твой дядя слишком сильно привязан к тебе, вот в чём дело. Он так много о тебе думает, что, по-моему, ты думаешь, что тебе стоит только позвать дюжину своих кисок, и они у твоих ног!

— Вы забываете, миссис Топ, — вмешивается мистер Джаспер, с добродушной улыбкой занимая свое место за столом, — и вы тоже, Нед, забываете, что слова «дядя» и «племянник» здесь запрещены по общему согласию и недвусмысленной договоренности. Очи всех

на тебя, господи, уповают, и ты даешь им пищу во благовреме-ее-нии... Аминь.

— Припечатал, как настоящий декан! Свидетельству-уууу, Эдвин Друд! Пожалуйста, Джек, наредай сам, я не могу!

Эта вылазка знаменует начало ужина. Пока всё убирают, уминают под весёлые шутки и смех, почти ничего не говорится о настоящей цели, да и вообще о какой-либо цели. Наконец, скатерть убрана, и на стол ставится блюдо с грецкими орехами и графин с хересом насыщенного бардового цвета.

— Я говорю! Скажи мне, Джек, — продолжает молодой человек, — ты действительно чувствуешь, что упоминание о наших родственных отношениях нас разделяет? Я не чувствую.

— Дяди, Нед, как правило, настолько старше своих племянников, — таков ответ, — что я инстинктивно это ощущаю.

— Как правило! А, может быть! Но что такое разница в возрасте в полдюжины лет или около того? А некоторые дяди в больших семьях даже моложе своих племянников. Клянусь Джорджем, я бы хотел, чтобы у нас было так же!

— Почему?

— Потому что, если бы это было так, я бы взял на себя инициативу и наставил бы тебя на путь истинный, Джек, и был бы таким же мудрым, как и ты! Прочь, унылая забота! Убирайся, седина! Прочь, унылая забота! Нам ещё не время в гроб! Привет, Джек! Не пей больше!

— Почему?

— Спрашивает, почему нет, в день рождения Киски, и не намерен поздравить с днём рождения! Киска, Джек и многие другие! Где тост? Я имею в виду, поздравления с днем рождения!

С нежностью и смехом касаясь протянутой руки мальчика, словно ему легко и радостно на сердце, мистер Джаспер молча произносит тост.

— Хип, хип, хип, сто лет ей без дна и крышки, и девятью девять по девять, и ещё один в завершение, и всё такое прочее, понятно? Ура, ура, ура! — А теперь, Джек, давай немного поговорим о кисках. Две пары крекеров для орешков? Передай мне один, а сам возьми вон тот.

— Крак.

— Как тебе киска, Джек? С её музыкой?

— Вполне!

— Какой ты ужасно добросовестный парень, Джек! Как ты осторожно выражаешься! Но я знаю, да благословит тебя Господь! Невнимательная, да?

— Она может научиться чему угодно, если захочет.

— Если она захочет! Боже, вот и всё. А если она не захочет?

— Крак! — говорят щипцы мистера Джаспера. — Как она нынче выглядит, Джек?

Сосредоточенное лицо мистера Джаспера снова проскальзывает по Эдвину и сосредотачивается на портрете над камином.

— Один-в-один, как на твоём наброске.

— Я немного горжусь этим! — говорит молодой человек, самодовольно взглянув на набросок, а затем закрывает один глаз и рассматривает его в исправленном виде через щипцы перед глазами. Неплохо сделано, главное — по памяти, не так ли. Но я, кажется, хорошо уловил это выражение, потому что видел его достаточно часто. Кряк! — донеслось со стороны Эдвина Друда, — Кряк! — со стороны мистера Джаспера. — На самом деле, — продолжает первый после долгого молчаливого погружения в священный процесс извлечения грецких орехов, и, надо сказать, с недовольным видом, — я замечаю это всякий раз, когда прихожу навестить Киску. Если я не нахожу этого на её лице, я быстро ухожу, — Ты же знаешь, что я люблю, мисс! Дерзкая насмешница. Тикая фитюшка! Бух!

И он целится щипцами с орехами в сторону портрета. Щёлк! Щёлк! Треск! Протяжённый Крак со стороны мистера Джаспера. Треск. Резкий ответный Крак со стороны Эдвина Друда. Молчание с обеих сторон. Турнир щипцов продолжается. Лопаются латы, хрустит аппетитная плоть!

— Ты что, потерял дар речи, Джек?

— А ты нашёл свой, Нед?

— Нет, но в самом деле, разве это не так, в конце концов...

Мистер Джаспер вопросительно поднимает тёмные брови.

— Разве это не мерзость, когда у меня нет выбора в таком деле? Вот так, Джек! Говорю тебе! Если бы я мог выбирать, я бы сразу выбрал Киску из всех хорошеньких девушек в мире.

— Но тебе не приходится выбирать.

— Вот на что я и жалуюсь. Мой покойный отец и покойный отец Киски намеревались поженить нас ещё с колыбели. Почему, черт возьми, хочу спросить, непонятно, что это было бы неуважением их памяти? Почему бы им не оставить нас в покое?

— Тише, тише, дорогой мальчик, — мягко упрекает мистер Джаспер.

— Так, так? Да, Джек, у тебя все хорошо. Ты можешь спокойно к этому отнестись. Твоя жизнь не расписана по полочкам, не расписана пунктирами, как на плане геодезиста. У вас не возникает неприятного ощущения, что вы кому-то навязываетесь, и ни у кого не возникнет неприятных подозрений, что она навязывается вам или что вы навязываетесь ей.

— Ты можешь сам выбирать. Жизнь для тебя — это свежая слива с дерева, а у меня всё обшлюено и обтёрто!

— Не останавливайся, дорогой друг. Продолжай!

— Может, я всё-таки задел твои чувства, Джек? Я не обидел тебя?

— Как ты мог меня обидеть?

— Боже мой, Джек, ты выглядишь ужасно болезненным! У тебя на глазах какая-то странная пелена!

Мистер Джаспер с вымученной улыбкой протягивает правую руку, как бы желая рассеять опасения и выиграть время для выздоровления. Через некоторое время он тихо произносит:

— Я принимаю это зелье от боли, от боли и мышечной агонии, которая иногда одолевает меня. Действие лекарства накатывает на меня, как мор или облако, и проходит. Ты видишь, как оно проходит; всё скоро пройдёт. Отвернись от меня. Тем скорее всё пройдёт!

С испуганным лицом молодой человек подчиняется, опуская глаза на золу в очаге. Не отрывая взгляда от огня, а, напротив, усиливая его, яростно вцепившись в подлокотник кресла, старец несколько мгновений сидит неподвижно, а затем, с густыми каплями, выступившими на лбу, и резким прерывистым дыханием, становится таким, каким был раньше. Когда он опускается в кресло, его племянник нежно и усердно ухаживает за ним, пока он полностью не приходит в себя.

Когда Джаспер приходит в себя, он нежно кладет руку на плечо племянника и тоном, в котором нет ничего тревожного, кроме смысла его слов, — на самом деле в нем есть что-то наигранно насмешливое и даже шутливое, — обращается к нему с такими словами:

— Говорят, в каждом доме есть свой спрятанный скелет, но ведь ты думал, что в моём его нет, дорогой Нед?

— Клянусь жизнью, Джек, я действительно так думал. Однако, когда я начинаю задумываться о том, что даже в доме Киски — если бы у неё шкафу был скелет — и в моем — если бы он был у меня...

— Вы собирались сказать (но я невольно перебил вас), что у меня спокойная жизнь. Никакой суеты вокруг меня, никакой отвлекающей коммерции или расчётов, никакого риска, никакой смены места жительства, я полностью отдаюсь искусству, которым занимаюсь, мой бизнес доставляет мне удовольствие? Не так ли?

— Я действительно собирался сказать что-то в этом роде, Джек, но, видишь ли, ты, прервал меня, рассказывая о себе, и почти неизбежно упустил многое из того,

что мне следовало бы добавить. Например, мне следовало бы выделить, что тебя все здесь уважают, как регента, или мирянина-певчего, или как там вы это называете, в этом соборе; что ты пользуешься репутацией человека, творящего с хором просто чудеса; что ты собираешь своё общество и занимаешь столь независимое положение в этом странном обществе, в этом смехотворном городке; твой дар преподавателя (да ведь даже Киска, которая не любит, когда ее учат, говорит, что такого Мастера, как ты, ещё надо поискать!) и твои связи...

— Да, я уже вижу, к чему ты гнёшь. Я всё это ненавижу!

— Ненавидишь, Джек? (В полном недоумении)

— Я ненавижу это. Монотонность моего существования буквально выматывает меня. Как тебе наше исполнение в хоре?

— Прекрасно! Просто божественно!

— Мне это часто кажется чем-то дьявольским! Я так устал от этого. Эхо моего собственного голоса под сводами словно издевается надо мной из-за этой вечной вынимающей душу ежедневной рутины. Одно и то же изо дня в день, вчера, сегодня завтра — одно и то же! Ни один несчастный монах, который прозябал бы в этом мрачном месте до меня, не устал бы от этого больше, чем я. Он мог бы найти отдушину (и нашёл) в том, чтобы вырезать демонов на дверях кабинок, сиденьях и парт. ах А что было делать мне? Должен ли был я вырезать их на своём сердце?

— А я-то думал, ты точно нашел свою нишу в жизни, Джек, — удивляется Эдвин Друд, наклоняясь вперёд на стуле, чтобы сочувственно положить руку на колено Джаспера, и с тревогой всматривается в него. — Я знаю, ты так и думал. Они все так думают!

— Ну, я полагаю, что да! — говорит Эдвин, размышляя вслух, — Киска тоже так думает!

— Когда она тебе это сказала?

— Когда я был здесь в последний раз. Ты помнишь, когда. Три месяца назад!»

— Как она это сформулировала?»

— О, она только сказала, что стала твоей ученицей и что ты создан для своего призвания!

Молодой человек бросает взгляд на портрет. Старший видит это.

— Как бы то ни было, мой дорогой Нед, — продолжает Джаспер, с серьезным видом покачивая головой, — что ж, тогда я должен подчиниться своему призванию, а внешне это почти то же самое. Теперь уже слишком поздно что-то менять. Только это между нами! Я абсолютное доверяю тебе!

— Джек, я буду как могила!

— Я доверил это тебе, потому что...

— Я чувствую это, уверяю тебя. Потому что мы близкие друзья, я знаю, что ты любишь меня и доверяешь мне, как я люблю и доверяю тебе. Джек, я обеими руками за тебя! Дай, обниму тебя!

Пока они стоят, глядя друг другу в глаза, и дядя держит племянника за руки, дядя продолжает:

Теперь ты знаешь, как бы это сказать, что даже бедного мелкого певчего и жалкого учителя и репетитора музыки могут волновать какие — то наивные амбиции, стремления, смутное беспокойство, неудовлетворенность, как бы это сказать?

— Да, дорогой Джек!

— И ты не забудешь?

— Мой дорогой Джек, спроси себя, могу ли я забыть то, что ты сказал с таким чувством?

— Тогда прими это как предупреждение!

Когда Эдвин отпускает его руки и отступает на шаг, он на мгновение замирает, чтобы обдумать, как следует относиться к этим последним словам.

Мгновение прошло, — и он говорит, явно тронутый:

— Боюсь, я всего лишь легкомысленный человек, Джек, и моя голова варит не очень. Но нет нужды говорить, что я ещё молод; и, возможно, с возрастом я поумнею. Во всяком случае, я надеюсь, что во мне есть что — то фундаментальное, что я чувствую — глубоко чувствую бескорыстие твоей откровенности, когда ты мучительно обнажаешь свою внутреннюю сущность, предупреждая меня об опасности!

Выражение лица и фигура мистера Джаспера становятся такими удивительными, что у него, кажется, перехватывает дыхание.

— Я не мог не заметить, Джек, чебо тебе это стоило, каких усилий, ты был так взволнован и совсем не похож на себя обычного. Конечно, я знал, что ты очень любишь меня, но я действительно не был готов к тому, что ты, так сказать, принесешь себя в жертву ради меня так!

Мистер Джаспер, снова обретая способность дышать, без малейшего перехода между двумя крайними состояниями, вздымает плечи и смеётся, и машет правой рукой.

— Нет, Джек, не надо так сентиментальничать, пожалуйста, не надо, я говорю совершенно серьёзно. Я не сомневаюсь, что то нездоровое состояние ума, которое ты так убедительно описал, сопровождается настоящими страданиями, и его трудно вынести. Но позволь мне заверить тебя, Джек, что у меня есть шансы одолеть его. Не думаю, что оно стоит у меня на пути. Знаешь, через несколько месяцев, меньше чем через год, я заберу Киску из школы под именем миссис Эдвин Друд. Затем я отправлюсь инженером на Восток, и Киска поедет со мной. И хотя сейчас у нас случаются небольшие размолвки, возникающие из-за некоторого неизбежного охлаждения, которое сопровождает наши занятия любовью, из-за того, что всё заезжено, улажено и затвержено заранее, я всё же не сомневаюсь, что мы отлично поладим, когда все будет сделано и мы пойдём подвенец, всё постепенно наладится. Короче говоря, Джек, как это поётся в старой песне, которую, как ты помнишь, я напевал за ужином (а кто знает старые песни лучше тебя, приятель?), моя жена будет танцевать, а я буду петь, и так весело мы будем проводить свои дни. В том, что Киска красива, не может быть никаких сомнений; а когда ты станешь еще и хорошенькой и паинькой, слышишь маленькая мисс Наглюшка, — снова обратился он к портрету, — я сожгу твоё комическое подобие и нарисую твоему учителю музыки другое.

Мистер Джаспер, подперев рукой подбородок с выражением задумчивой благожелательности на лице, внимательно следит за каждым оживлённым взглядом и жестом, сопровождавшим слова Эдвина. Он сохраняет эту позу и после того, как тот произносит их, словно очарованный, что свидетельствует о его сильном интересе к юношескому духу собеседника, который он так любит. Затем он говорит со спокойной улыбкой:

Значит, тебя не нужно ни о чём предупреждать?

— Нет, Джек!

— Нет, правда, тебе не нужны предостережения?

— Нет, Джек, только не твои! Помимо того, что я на самом деле не считаю себя в опасности, мне не нравится, что ты ставишь себя в такое положение!

— Не пойти ли нам прогуляться по церковному двору? Кладбище — не худшее место для прогулок, не так ли?

— Непременно. Вы не будете возражать, если я на минутку отлучусь в дом монахинь и оставлю там свёрток? Только перчатки для Киски; здесь столько же пар перчаток, сколько ей лет сегодня. Довольно поэтично, Джек, не так ли?

Мистер Джаспер, все в той же позе, бормочет:

— В жизни нет ничего и вполнину прекраснее, Нед!

Вот посылка в кармане моего пальто. Их нужно вручить сегодня вечером, иначе вся поэзия протухнет. Тамошние правила запрещают приходить туда ночью, но можно оставить посылку. Я готов, Джек!

Мистер Джаспер выходит из своего оцепенения, и они вместе уходят.

Глава III

Женская Обитель

По вполне понятным причинам, которые будут раскрыты по мере продвижения этого повествования, этому древнему городу его знаменитым кафедральным собором следует присвоить вымышленное название.

Так что пусть на этих страницах оно будет называться Клойстерхэймом. Когда-то, возможно, он был известен друидам под другим названием, и, конечно, римлянам — под третьим, саксам — под пятым, а норманнам — под семнадцатым и название, которое менялось в течение многих столетий, скорее всего не имело большого значения для его пыльных хроник. Клойстерхэйм — древний город и неподходящее место для тех, кто стремится к шумному, большому миру и светским забавам. Нудный, тихий городишка, с привкусом сырости и плесени истекающих из крипты собора и этих бесконечных могил и склепов, сконцентрированных на монастырском кладбище и разбросанных то там, то сям по всему городу, так что дети в Клойстерхэйме разбивают огородики салата в пыли, на могилах аббатов и аббатис, и лепят куличики из праха монахинь и монахов; в то время как каждый пахарь удовлетворяется на его отдаленных полях некогда могущественными лордами-казначейми, архиепископами, епископами и им подобными, точно так же, как Людоед в книге сказок желал оказать приют своему незваному гостю, и перемалывает их кости, чтобы испечь себе хлеб.

Клойстерхэйм — сонный город, жители которого, похоже, полагают, с непоследовательностью, скорее странной, чем объяснимой интуицией, что все перемены остались далеко позади и что больше ничего не произойдет. Странная мораль, восходящая к античности, но более древняя, чем любая видимая древность. Улицы Клойстерхэйма так тихи (хотя и не чужды эху при малейшем шаге), что летним днем жалюзи в его магазинах едва осмеливаются трепетать на южном ветре; в то время как загорелые бродяги, которые проходят мимо и глазают на них, немного ускоряют шаг, чтобы скорее вырваться за пределы этой гнетущей замогильной респектабельности. Это несложный подвиг, учитывая, что Клойстерхэйм — Сити — это всего лишь одна узкая улочка, по которой вы въезжаете в город и мгновенно выезжаете из него: остальное — в основном унылые дворы без проезжей части с насосами, за исключением прилегающей к собору улицы с мощёным ещё при первых римлянах тротуаром. Квакерское поселение, по цвету и общему оформлению очень похожее на шляпку квакерши, расположено в тенистом уголке.

Одним словом, Клойстерхэйм — город другого, ушедшего века, с его хриплым колокольным звоном, грачами, парящими над башней собора, и еще более хрипылыми и менее видными стаями грачей далеко внизу. Обломки старой стены, руины часовни какого-то святого, здания капитула, женского монастыря были вкривь и вкось встроены во многие из его домовладений и садов, подобно тому, как схожие с ними руины мировоззрения и обломки беспорядочных представлений слезались в сознании многих его граждан. Всё в этом городе осталось в прошлом. Даже его единственный ростовщик не берёт залогов, да и не брал уже давно, но тщетно выставляет на продажу разный пыльный хлам, из которого приятно выделяются потускневшие старые часы, которые, по-видимому, доживают последние мгновения, потускневшие щипцы для сахара с неподъёмными ручками и разрозненные тома унылых, потускневших книг.

Единственное, что в Клойстерхэйме ещё способно порадовать глаз заблудшего путника являются растения, разнузданно произрастающие во многих садах, и даже в его поникшем и унылом, влачащем жалкое существование маленьком театре на заднем дворе есть свой убогий садик, где в зависимости от времени года является злой дух, который то ныряет со сцены в преисподнюю, то резвится среди красной фасоли или устричных раковин.

Посреди Клойстерхэйма высится Женская Обитель — старинное кирпичное здание, чьё нынешнее название, несомненно, происходит от легенды о его монастырском прошлом.

На изящных воротах, ограждающих старый внутренний двор, красуется блестящая медная табличка с надписью:

«Семинария для юных леди.

Мисс Твинклтон».

Фасад дома такой драный и изношенный, а медная табличка так блестит и пучит глаза, что общий результат напоминает незнакомцам с богатым воображением потрепанного старого повесу с большим модным моноклем в слепом, затянутом катарактой глазу. То ли монахини былых времен, принадлежавшие к поколению более смиренных существ, чем нынешние твердолобые недоросли, обычно склоняли свои задумчивые выи, чтобы избежать столкновения с балками низких потолков во многих комнатах своего Дома; то ли они сидели у длинных низких окон и перебирали чётки для самобичевания и аскезы, вместо того чтобы плести ожерелья для украшения своих юных, прекрасных шеек, были ли кто-то из них когда-либо заживо замурованы в монастырских нишах, под странными углами и на выступающих фронтонах зданий за то, что в них есть какая-то неистребимая закваска рдеятельной Матери-Природы, которая с тех пор неустанно поддерживает жизнь в этом бродящем мире. Но кому здесь до этого дело? Только для преследующих путника призраков (если таковые имеются), но они не фигурируют в полугодовых отчетах мисс Твинклтон и не входят ни в число постоянных клиентов мисс Твинклтон, даже в перечне дополнительных услуг их не найдёшь.

У дамы, за мизерную, нет, нищенскую плату просвещающую подрастающую молодёжь поэзии, в списке приводимых ею стихотворений нет и намёка на произведения, затрагивающих столь неприбыльные темы. Как вы знаете, что в некоторых случаях алкоголизма и его высшей формы — алкогольной асбстиненции, а также в некоторых случаях чрезмерного опьянения или в иных случаях наркотического воздействия и животного гипнотизма, существуют два состояния сознания, которые существуют как-бы отдельно друг от друга и никогда не сталкиваются, но каждое из которых следует своим отдельным курсом, как если бы оно было непрерывным, а не прерывистым (таким образом, если я прячу свои часы, когда я пьян, я должен снова напиться, чтобы вспомнить, где именно я снимал часы), так что у мисс Твинклтон есть две отчетливые и совершенно обособленные фазы бытия или даже можно сказать, миры-антагонисты.

Каждый вечер, как только юные леди отправляются спать, мисс Твинклтон немного томно поправляет свои кудри, и её глаза светлеют и наливаются неземным сиянием, она становится такой жизнерадостной, эта милая мисс Твинклтон, какой юные леди её ещё никогда не видели. Каждый вечер, в один и тот же час, мисс Твинклтон возвращается к темам предыдущего вечера, рассказывая о скандале в Клойстерхэйме, о котором днем она ничего не знала, и упоминая об одном сезоне в Танбридж-Уэллсе (который мисс Твинклтон в своем нынешнем состоянии легкомысленно называет «Уэллским»).»), особенно в тот сезон, когда некий утончённый

джентльмен (которого мисс Твинклтон сочувственно называет на данном этапе своего существования мистером Глупышка Портер») явил к ней искреннее почтение и бросил к её ногам своё сердечко, о чём мисс Твинклтон, в своем схоластическом стиле, выражается столь же невежественно, как гранитная колонна.

Спутницей мисс Твинклтон в обоих состояниях существования, одинаково легко приспособляющейся к любому из них, является некая миссис Тишер: почтительная вдова со слабой спиной, хроническими вздохами и сдавленным голосом, которая всегда с орлиной пристальностью следит за гардеробом молодых леди и дает им понять, что она знавала лучшие времена. Возможно, именно по этой причине среди слуг существует поверье, передаваемое из поколения в поколение, что покойный Тишер был парикмахером. Любимая воспитанница монашеского дома — мисс Роза Бутон, которую, конечно же, зовут Роузбад; удивительно хорошенькая, удивительно ребячливая, удивительно капризная. В сознании юных леди мисс Бад вызывает неловкий интерес (неловкий, потому что романтичный), поскольку им известно, что муж был выбран для неё по завещанию и что её опекун обязан выдать её за этого мужа, когда тот достигнет совершеннолетия.

Мисс Твинклтон, в своём семинарском возрасте, боролась с романтическим аспектом этой судьбы, притворяясь, что качает головой из-за ямочек на плечах мисс Бад, и размышляя о несчастной судьбе этой обречённой маленькой жертвы. Но это произвело не лучший эффект — возможно, какое — то неосторожное прикосновение глупого мистера Портера подорвало все усилия, — чем вызвало у юных леди единодушный возглас в спальне:

«О, моя дорогая, какая притвора эта мисс Твинклтон!»

В женском приюте никогда не бывает такого переполоха, как тогда, когда этот назначенный муж приходит навестить маленькую Розбад. (Юные леди единодушно пришли к выводу, что он имеет законное право на эту привилегию и что, если мисс Твинклтон оспорит это, её немедленно схватят и вышлют к колонии.)

Когда ожидается его звонок в колокольчик у ворот или когда это происходит, каждая молодая леди, которая может под каким-либо предлогом выглянуть в окно, вытягивается на носках и смотрит в окно; в то время как каждая молодая леди, которая долбит клавиши на фоне, начинает сбиваться; а класс французского становится настолько деморализованным, что оценка расходится по кругу так же быстро, как бутылка на веселой вечеринке в прошлом веке.

На следующий день после обеда на двоих в «гейтхаусе» прозвенел звонок, что привело к обычным потрясающим результатам. «Мистер Эдвин Друд хочет видеть мисс Розу».

Это заявление старшей горничной. Мисс Твинклтон с демонстративно меланхоличным видом поворачивается к своей жертве и говорит:

«Ты можешь спускаться, моя дорогая».

Мисс Бад спускается, под перекрестьем всеобщих пристальных взглядов. Мистер Эдвин Друд ожидает в собственной гостиной мисс Твинклтон — изящной комнате, в которой нет ничего более схоластического, чем земной и небесный глобусы. Эти выразительные средства подразумевают (для родителей и опекунов), что даже когда мисс Твинклтон удаляется в лоно уединения, долг в любой момент может заставить её стать чем-то вроде Вечного Жида, бороздящего землю и парящего в небесах в поисках абсолютных знаний для своих воспитанниц. Младшая горничная, которая никогда не видела молодого джентльмена, с которым помолвлена мисс Роза, и которая знакомится с ним через приоткрытую дверь, специально оставленную открытой, виновато пятась, спускается по лестнице в кухню, в тот момент, как

очаровательное маленькое привидение, лицо которого скрыто маленьким шёлковым передничком, перекинутым через голову, он скользит в гостиную.

— О, что за глупость! — восклицает призрак, останавливаясь и съеживаясь, — Не надо так, Эдди!

— Что не надо, Роза?

— Не подходи ближе, пожалуйста. Это так нелепо!

— Что нелепо, Роза?

— Все дело в том, что... Так нелепо быть помолвленной чуть не с колбели сиротой, и так нелепо, когда девочки и слуги бегают за тобой, как мыши за деревянными панелями; и так нелепо, что ты здесь!

Во время этой жалобы призрак, похоже, прижимает большой палец к уголку рта.

— Должен сказать, Киска, ты оказала мне теплый приём!

— Хорошо, я сделаю это через минуту, Эдди, но пока не могу. Как дела? (очень коротко.)

— Я не могу ответить, что мне стало намного лучше, когда я увидел тебя, Киска, поскольку я тебя совсем не вижу!

После этого второго замечания из-за уголка фартука выглядывает тёмный, блестящий, выпуклый глаз; но он быстро снова становится невидимым, когда привидение восклицает:

— О боже милостивый! У тебя острижена половина волос!

— Я думаю, лучше бы мне отрубили голову, — говорит Эдвин, взъерошив волосы, которые только что упомянуты, бросая свирепый взгляд в зеркало и нетерпеливо притопывая ногой.

— Мне уйти?

— Нет, Эдди, тебе пока не нужно уходить. Все девочки будут задавать вопросы, почему ты ушёл.

— Роза, может, ты раз и навсегда снимешь эту гадость со своей нелепой головки и поприветствуешь меня?

Передник слезает с детской головки, и его обладательница отвечает:

— Всегда пожалуйста, Эдди. Вот так! Я уверена, что это тоже мило. Как поживаешь, Эдди? Дай пожать твою руку! Нет, я не могу тебя поцеловать, потому что у меня во рту леденец.

— Ты хоть чуть-чуть рада меня видеть, Киска?

— О, да, я ужасно рада! Иди скорее сядь — мисс Твинклтон здесь!

У этой замечательной леди вошло в привычку во время таких визитов появляться каждые три минуты либо собственной персоной, либо в образе миссис Тишер, и возлагать подношения на алтарь приличий, делая вид, что она рыскает какую-нибудь нужную вещь. В данном случае мисс Твинклтон, грациозно входя и выходя, мимоходом говорит:

— Как поживаете, мистер Друд? Очень рада, что вам доставлено такое удовольствие. Прошу меня извинить. Щипчики. Благодарю вас!

— Эдди, я получила эти перчатки вчера вечером, и они мне очень нравятся. Они просто прелесть.

— Что ж, это уже кое-что! — ворчливо отвечает жених, — Я с благодарностью воспринимаю малейшее поощрение. А как ты провела свой день рождения, Киска?

— Восхитительно! Все подарили мне подарки. И мы устроили праздник. А вечером у нас был бал!

— Пир и бал, да? Эти мероприятия, кажется, проходят вполне сносно и без меня, Киска, не так ли?

— Чудесно! — восклицает Роза совершенно непринужденно и без малейшего намёка на сдержанность.

— Ха! И что же это был за праздник?

— Пирожные, апельсины, желе и креветки.

— Кто-нибудь был на балу?

— Мы, конечно, танцевали друг с другом, сэр. Но некоторые девушки изображали из себя своих братьев. Это было так забавно!

— Кто — нибудь изображал...

— Тебя? О, да, конечно! — восклицает Роза, смеясь от удовольствия, — Это у них было первым делом!

— Надеюсь, у неё получилось неплохо! — с сомнением произносит Эдвин.

— О, это было превосходно! Я бы под пытками не стала танцевать с тобой, ты же знаешь. Эдвин, похоже, едва ли понимает всю важность этого; он спрашивает, может ли он взять на себя смелость спросить, почему?

— Потому что я так устала от тебя! — отвечает Роза. Но тут она быстро добавляет, и тоже умоляюще, видя недовольство на его лице: «Дорогой Эдди, знаешь, ты так же устал от меня, как и я, не так ли?

— Разве я говорил что-то подобное, Роза?

— Так скажи! Ты когда-нибудь так говорил? Нет, ты только доказывал это. О, у не это здорово получилось! — восклицает Роза, охваченная внезапным восторгом от своего фальшивого жениха.

— Меня поражает, что она, должно быть, дьявольски дерзкая девчонка! — говорит Эдвин Друд, — Итак, Киска, ты провела свой последний день рождения в этой старой халупе...

— Ах, да!

Роза хлопает в ладоши, со вздохом опускает глаза и качает головой.

— Ты, кажется, сожалеешь, Роза?

— Мне жаль это бедное, старое место. Почему-то мне кажется, что здесь будут скучать по мне, когда я уеду так далеко, такой молодой. — Может быть, нам лучше ненадолго остановиться, Роза?

Она поднимает на него быстрый, ясный взгляд; в следующий момент качает головой, вздыхает и снова опускает глаза.

— Это значит, Киска, что нам обоим стоит смириться?

Она снова кивает головой и после недолгого молчания неожиданно выпаливает:

— Ты же знаешь, Эдди, мы должны пожениться, и пожениться немедленно, иначе бедные девочки будут так ужасно разочарованы!

В этот момент на лице её наречённого больше сострадания, как к ней, так и к самому себе, чем любви. Он перехватывает её взгляд и спрашивает:

— Роза, дорогуша! Не пригласить ли мне тебя на прогулку?

Дорогая Роза, кажется, не совсем понимает, что к чему, пока её лицо, которое до этого было комично задумчивым, не светлеет.

— О, да, Эдди, пойдём прогуляемся! И я скажу тебе, что мы сделаем. Ты сделаешь вид, что помолвлен с кем-то другим, а я сделаю вид, что ни с кем не помолвлена, и тогда мы не будем ссориться!

— Как ты думаешь, Роза, это предотвратит нашу размолвку?

— Я знаю, что рано или поздно так и будет. Тише! Притворись, что смотришь в окно!.. Миссис Тишер!

Благодаря случайному стечению обстоятельств в поле зрения появляется почтенная дама- миссис Тишер и говорит, шурша по комнате, как легендарный призрак вдовы в шелковых юбках: «Надеюсь, у мистера Друда всё хорошо... хотя мне нет нужды спрашивать, если я могу судить по его цвету лица. Надеюсь, я никому не помешала, но где-то здесь был нож для разрезания бумаги... О, вот он, спасибо, я удаляюсь! — и исчезает со своим трофеем.

— Эдди, ты должен сделать ещё кое-что, чтобы угодить мне, — говорит Роузбад, — Как только мы выйдем на улицу, ты должен вывести меня, а сам держаться поближе к дому — прижиматься к нему, так чтобы чуть не влипнуть!

— Конечно, Роза, разумеется, если ты этого хочешь. Могу я спросить, зачем?

— О! Потому что я не хочу, чтобы девочки видели тебя!

— Сегодня прекрасный день, но, может быть, ты хочешь чтобы я раскрыл зонтик?»

— Не говори глупостей! На тебе же нет начищенных кожаных ботинок! — говорит она, надув губки и приподняв плечо.

— Возможно, это помогло бы ускользнуть бы от внимания девушек, даже если бы они меня увидели! — замечает Эдвин, глядя на свои ботинки с внезапным нахлынувшим отвлечением к ним.

Ничто не ускользнет от их внимания, дорогушка. И тогда я знаю, что произойдет. Некоторые из них начали бы рассуждать обо мне, сказав (поскольку они свободны), что никогда и ни под каким видом не станут связываться с любовниками без начищенных кожаных ботинок. Послушай! Тсс! Мисс Твинклтон! Я спрошу разрешения!

Это осень сдержанная леди, и её действительно идеально слышно снаружи, где она ни к кому не обращаясь, убеждает кого-то вежливым тоном, медленно приближаясь:

«А? В самом деле! Вы совершенно уверены, что видели мою перламутровую пуговицу на рабочем столе в моей комнате?

Сразу же они просят разрешения прогуляться, и им оно любезно тотчас же предоставлено. И вскоре молодая пара покидает Бабыю Пустынь, принимая все меры предосторожности, чтобы не обнаружить столь жизненно важных дефектов ботинок мистера Эдвина Друда: меры предосторожности, будем надеяться, эффективные для сохранения спокойствия будуще миссис Эдвин Друд.

— В какую сторону отправимся, Роза?

Роза отвечает:

— Я хочу сходить в магазин «Сладости».

— В...?

— Турецкие сладости, сэр! Боже мой, неужели ты ничего не понимаешь? Называешь себя инженером и не знаешь элементарного?

— Откуда мне это знать, Роза?

— Почему? Потому что я их очень люблю. Но, о боже! Я забыла, что мы должны притворяться. Нет, тебе не обязательно о них что-то знать, не бери в голову.

Итак, его, сомрачённым челом, как колодника, ведут в магазин «Лакомства», где Роза делает покупку и, предложив ему немного (от чего он с негодованием отказывается), начинает есть с большим аппетитом, предварительно сняв и скатав пару маленьких розовых перчаток, время от времени прикладывая свои маленькие розо-

вые пальчики к розовым губам, чтобы очистить их от сахарной пудры, которая осела на них комочками.

— А теперь будь добр, Эдди и притворись. Итак, ты помолвлен?

— Итак, я помолвлен!

— Она милая?

— Очаровательная!

— Высокая?

«Невероятно высокая!

(Роза, кстати, маленького роста)

— Должно быть, она неуклюжая... — тихо комментирует Роза.

— Прошу прощения, вовсе нет! (В нём пробуждается дух противоречия) То, что называется совершенной женщиной, великолепная женщина!

— Большой шнобель, без сомнения! — снова тихий комментарий.

— Не маленький, разумеется! — последовал быстрый ответ (Роза и так маленькая).

— Длинный бледный нос с красной горбинкой посередине. Я знаю, что это за нос, — говорит Роза, удовлетворенно кивая и спокойно наслаждаясь кусочками.

— Ты не знаешь, что это за нос, Роза, — с некоторой теплотой в голосе, — потому что он совсем не такой.

— Не бледный нос, Эдди?

— Нет! — Решился не соглашаться.

— Красный нос? О! Мне не нравятся красные носы. Однако, на всякий случай, она всегда может напудриться!

— Она бы с презрением отнеслась к этому! — горячится Эдвин.

— А она бы так поступила? Какая же она, должно быть, глупышка! Неужели она глупа во всем?

— Нет, ни в чем!

После паузы, во время которой от его внимания не ускользнуло причудливо-озорное выражение лица, Роза говорит:

— И этому разумнейшему из созданий нравится идея отправиться в Египет, не так ли, Эдди?

— Да! Она проявляет живой интерес к достижениям инженерного мастерства, особенно когда они призваны полностью изменить положение в неразвитой стране!

— Боже мой! — говорит Роза, пожимая плечами и слегка усмехаясь от удивления.

— Ты не возражаешь, — спрашивает Эдвин, величественно опуская глаза на фигурку феи. — Ты не возражаешь, Роза, против того, чтобы она проявляла такой интерес?

— Возражаешь? Мой дорогой Эдди! Но, в самом деле, разве она не ненавидит котлы и все такое прочее?

— Я могу поручиться, что она не настолько глупа, чтобы ненавидеть котлы, — отвечает он с гневным нажимом, — хотя я не могу поручиться за ее взгляды на вещи; на самом деле она не понимает, о чём идет речь!

— Но разве она не ненавидит арабов, турок, феллахов и других людей?

— Конечно, нет!

— По крайней мере, она должна люто ненавидеть пирамиды? Согласен, Эдди?

— Почему она должна быть такой маленькой, нет. Большой дурёхой, чтобы ненавидеть пирамиды, Роза?»

— Ах! Ты бы послушал, как мисс Твинклтон, — она часто кивала головой, с большим удовольствием поедая комочки, — занудничала о них, и тогда бы ты ни о чём не спрашивал. Надоедливые древние кладбища! Айзисы, ибисы, хеопсы и фараоны — кому до них дело? А потом Бельцони или кого-то ещё вытащили за ноги, полузадушенного летучими мышами и пылью. Все девушки говорят: так ему и надо, и надеются, что это причинит ему боль, и жалеют, что его совсем не придушили.

Две молодые фигуры, идущие бок о бок, но уже не рука об руку, недовольно бродят по Олд-Клоуз; иногда каждый из них останавливается и медленно оставляет глубокий след на опавших листьях.

— Ну, что ж! — говорит Эдвин после продолжительного молчания, Как обычно! Мы не так и можем найти общего языка, Роза!

Роза качает головой и соглашается, что не хочет найти.

— Это милое замечание, Роза, учитывая наши обстоятельства!

— Учитывая что?

— Если я скажу, что именно, ты снова будешь вердиться!

— Ты хочешь сказать, Эдди, что ты готов сердиться. Не будь таким букой!

— Букой? Мне это нравится!

— Когда мне что-то не нравится, и я говорю тебе об этом прямо, — надулась Роза.

— Теперь, Роза, я хочу сказать тебе тоже прямо. Кто пренебрежительно отзывался о моей профессии, о моем предназначении...

— Надеюсь, ты не собираешься рассчитывать быть погребённым в пирамидах? — перебивает она, приподнимая тонкие брови, — Ты никогда не говорил мне откровенно о своих планах. Если да, то почему ты не сказали мне об этом сразу? Я не могу разгадать твои планы по наитию.

— Ну, Роза, ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду, моя дорогая.

— Ну, тогда почему ты начал со своих отвратительных красноносых великанш? И она бы, она бы, она бы, она бы, сколько можно, она бы всё это припудрила! — восклицает Роза в камерном приступе комичной противоречивой злобы.

— Так или иначе, в этих дискуссиях я всегда оказываюсь в финале виноватым! — говорит Эдвин, вздыхая и смиряясь.

— Как это возможно, сэр, вам рассчитывать быть правым, если вы всегда неправы? А что касается Бельцони, я полагаю, он мёртв, — я уверена, вернее, я очень рассчитываю на это — и какое вам дело до его ног или удушья?

— Тебе уже почти пора возвращаться, Роза. У нас была не очень приятная прогулка, не так ли?

— Приятная прогулка? Ужасно несчастливая прогулка, сэр. Если я поднимусь по лестнице, как только войду, и буду плакать до тех пор, пока не смогу пойти на урок танцев, имейте в виду, и это будет ваша вина!

— Давай останемся друзьями, Роза!

— Ах! — восклицает Роза, качая головой и заливаясь настоящими слезами, — Как бы я хотела, чтобы мы были друзьями! Именно потому, что нам нельзя быть друзьями, мы так мучаем друг друга, Эдди, и будим старую сердечную боль, иногда она у меня действительно бывает, я иной раз в таком горе, в таком горе! Не сердись! Я знаю, что у тебя у самого на сердце кошки скребут. Нам обоим было бы лучше, если бы мы не обязаны были пожениться, а просто могли. Я сейчас достаточно серьёзна и не дразню тебя. Давай каждый из нас воздержится от нападок, на этот раз будем терпеливы, ради себя и друг друга!

Обезоруженный этим проявлением матёрого женского темперамента в избалованном ребёнке, хотя на мгновение и ненавидя его за то, что пришлось насильно навязывать ей себя, Эдвин Друд стоит и смотрит, как она по — детски плачет и всхлипывает, прижимая обеими руками платок к глазам, а затем... она становится более сдержанной, успокаивается и даже начинает по своему юному непостоянству смеяться над собой за то, что была так дала слабину, потом она садится неподалеку, под вязами. Под деревьями здесь везде расставлены скамейки.

— Милая Киска! Давай с тобой поболтаем начистоту! Сам по себе я не слишком умён! Я коев в чём соображаю, я имею в виду — соображаю в своей области — инженерном деле, а теперь, когда я начинаю думать об этом, я не уверен, что и в нём я особенно сведущ, — но я хочу поступать правильно, жить по совести. Нет... может быть, и есть... Я действительно не знаю, как мне выразить то, что я хочу сказать, но я должен сказать это, прежде чем мы расстанемся — у меня нет другого такого молодого...

— О нет, Эдди! Это очень, очень великодушно с твоей стороны звать меня, но нет, нет, нет!

Они подошли совсем близко к окнам собора, и в этот момент величественно грянули орган и хор. Пока они сидят и слушают торжественную музыку, в душе юного Эдвина Друда просыпается уверенность прошлой ночи, и он думает, как непохожа эта музыка на тот странный диссонанс.

— Мне кажется, я различаю голос Джека! -возникает у него в голове по ходу мыслей.

— Пожалуйста, немедленно отвези меня обратно! — просит его невеста, быстро кладя свою легкую руку ему на запястье.

— Они все сейчас выйдут, давай уйдём! О, какой звучный аккорд! Но давай не будем задерживаться и слушать это, давай скорее уйдём отсюда!

Как только они выскальзывают из переулочка, она замедляет шаги. Теперь они идут рука об руку, степенно и неторопливо, по старой Главной улице, к женской обители. У ворот, когда улица в пределах видимости пустеет, Эдвин склоняется лицом к лицу Роузбад. Она со смехом возражает и снова становится маленькой школьницей.

— Эдди, нет! Я слишком липкая, чтобы меня целовать. Но дай мне свою руку, и я пошлю на нее воздушный поцелуй!

Он так и делает. Она слегка выдыхает в ладонь и спрашивает, удерживая ее и заглядывая в нее:

— А теперь скажи, что ты там видишь?

— Где, Роза?

— А я-то думал, что вы, египетские мальчиши, можете взглянуть на линии ладони и увидеть там кучу призраков. Неужели ты не видишь счастливого будущего?

Наверняка, ни один из них не увидит счастливого будущего, поскольку настоящее такое непрезентабельное, и ворота открываются и закрываются со скрипом, и один входит, а другой уходит.

Глава IV МИСТЕР САПСИ

Если принять Осла за образец самодостаточной глупости и самомнения — взгляд, возможно, как и некоторые другие, скорее общепринятый, чем справедливый, — то самым настоящим ослом в Клойстерхэйме является мистер Томас Сапси, аукционист. Мистер Сапси «одевается» в стиле декана; ему по ошибке кланяются как декану; к нему даже обращаются на улице как к милорду, создавая впечатление, что он епископ, неожиданно прибывший без своего капеллана.

Мистер Сапси очень гордится этим, и так научился подражать голосом и нарядом настоятелю, что иной раз их путают. Он даже (при продаже земельной собственности) попробовал слегка подпевать за своей кафедрой, чтобы больше походить на то, что он считает подлинно церковным атрибутом. Итак, завершая продажу на открытом аукционе, мистер Сапси заканчивает с таким видом, словно благословляет собравшихся брокеров, оставляя настоящего декана — скромного и достойного джентльмена — далеко позади. У мистера Сапси много поклонников; более того, подавляющее большинство местных жителей, включая даже тех, кто не верит в его мудрость, считают, что он является столпом Клойстерхэйма. Он обладает такими замечательными качествами, как напыщенность и тупость, а также славится раскатистостью речи и ещё более разлапистостью походки; не говоря уже о некоем заученном, степенном плавном движении руками, как будто собирается благословить паству, с которой ведёт беседу.

Сейчас он обретаётся гораздо ближе к шестидесяти годам, чем к пятидесяти, с плавным абрисом живота и горизонтальными складками на жилете; слывёт богатым человеком, мэтром правильных взглядов и строго респектабельных интересов. Он как будто всегда морально удовлетворён тем, что с тех пор, как был младенцем, никто, кроме него самого, не вырос, и скажите мне по совести, как может тупоголовый мистер Сапси быть кем-то иным, кроме как гордостью Клойстерхэйма и светочем общества?

Дом мистера Сапси находится на Главной улице, напротив Женского Приюта. Он относится примерно к периоду постройки монастырского приюта, но потихоньку, то тут, то там эти строения регулярно модернизировали, поскольку неуклонно стареющие поколения всё больше и больше осознавали, что предпочитают воздух и свет лихорадке и чуме. Над дверным проемом находится деревянное изваяние примерно в половину человеческого роста, изображающее отца мистера Сапси в кудрявом парике и тоге во время аукциона. Сила замысла и естественный вид оттопыренного мизинца, молоточка и кафедры всегда вызвали всеобщее восхищение. Мистер Сапси сидит в своей унылой гостиной на первом этаже и смотрит сначала на свой мощёный задний двор, а затем на свой огороженный забором сад. На столе перед камином у мистера Сапси стоит бутылка портвейна — камин — роскошь, которую можно позволить себе только в начале года, но которая приятна в прохладный осенний вечер, — и, что характерно, рядом с ним его портрет, часы с восьмидневным заводом и барометр. Характерно, что так он всегда защищает себя от человечества, свой барометр защищает его от непогоды, а часы — от времени.

Рядом с мистером Сапси стоит конторка, на которой набросаны письменные принадлежности. Взглянув на обрывок рукописи, мистер Сапси с надменным видом читает его про себя, а затем, медленно расхаживая по комнате, засунув большие

пальцы в проймы жилета, повторяет его по памяти: так проникновенно, хотя и с большим достоинством, что слышно только слово «Этелинда».

На столе на подносе стоят три чистых бокала для вина.

Входит горничная и объявляет:

«Мистер Джаспер пришел, сэр!»

Мистер Сапси машет рукой:

«Впустите его!» — и берёт два бокала из ряда, как рекрутов, призванных к службе.

— Рад видеть вас, сэр. Я поздравляю себя с тем, что мне выпала честь принимать вас здесь впервые!

Мистер Сапси таким образом оказывает честь гостю и своему дому

— Вы очень любезны! Это большая честь — нанести вам визит, и я поздравляю себя с этим подарком!

— Приятно это слышать, сэр. Но я уверяю вас, что для меня ещё большая честь принимать вас в моем скромном доме. И это то, что я бы сказал не каждому.

Эти слова сопровождаются невыразимой театральной возвышенностью со стороны мистера Сапси, которая позволяет понять смысл фразы так:

«Возможно, вам нелегко будет поверить, что ваше общество может приносить удовлетворение такому человеку, как я; тем не менее, это пока так!

— Я давно хотел познакомиться с вами, мистер Сапси!

— А я, сэр, давно знаю вашу репутацию человека со вкусом. Позвольте мне наполнить ваш бокал. Я угощу вас, сэр, — говорит мистер Сапси, наполняя свой:

Придёт француз, как побратим —

Мы в Дувре навалием им!

Во времена детства мистера Сапси это был патристический тост, и поэтому он полностью убежден, что он уместен в любую последующую эпоху.

— Вряд ли вы можете не знать, мистер Сапси, — замечает Джаспер, с улыбкой наблюдая за аукционистом, который вытягивает ноги перед камином, — что вы идеально знаете этот мир...

— Что ж, сэр, — раздается в ответ короткий смешок, — думаю, я кое-что об этом знаю, кое-что из этого...

— Ваша репутация знатока этого дела всегда интересовала и удивляла меня, и у меня возникло желание познакомиться с вами поближе. Можно сказать — дыра! Ведь Клойстерхэйм — маленькое местечко. Сам я, запертый в нем, ничего не знаю, что творится за его пределами и чувствую, что это очень маленькое местечко...

— Если я не бывал за границей, молодой человек, — начинает мистер Сапси, а затем останавливается, — Вы позволите мне называть вас молодым человеком, мистер Джаспер? Вы ведь намного моложе меня?

— Конечно!

— Если я не ездил за границу, молодой человек, то зарубежные страны сами пришли ко мне. Они пришли ко мне в связи с бизнесом, и я вполне воспользовался своими возможностями. Представьте, что я провожу инвентаризацию или составляю каталог. Я вижу французские часы. Я никогда в жизни их раньше не видел, но я сразу же указываю на них пальцем и говорю: «Это Париж!» Я вижу несколько чашек и блюдца китайского производства, столь же незнакомых лично мне и тут же касаюсь их пальцем и говорю: «Пекин, Нанкин и Кантон». То же самое происходит с Японией, Египтом, бамбуком и сандаловым деревом из Ост-Индии! Я указываю пальцем на них и всё. До этого я указывал пальцем на Северный полюс и говорю: «Эскимосское копье за полпинты светлого хереса!»

— В самом деле? Весьма примечательный способ, мистер Сапси, приобретать знания о людях и вещах!

— Я упоминаю об этом, сэр, — отвечает мистер Сапси с невыразимым самодовольством, — потому что, как я уже сказал, не стоит хвастаться тем, кто вы есть; но покажите, как вы стали таким, каков вы есть, и тогда вы это докажете всем!

— Очень интересно. Мы хотели поговорить о покойной миссис Сапси.

— Да, сэр!

Мистер Сапси наполняет оба бокала и снова убирает графин в безопасное место.

— Прежде чем я обращусь к вам, как к человеку со вкусом, за советом по поводу этой безделушки, — он поднимает нечто, — которая является всего лишь безделушкой и все же потребовала некоторых размышлений, сэр, — мне, пожалуй, следует описать характер покойной миссис Сапси, которая умерла три года назад, в последней четверти года...

Мистер Джаспер, зевающий за бокалом вина, опускает ширму и изображает на лице заинтересованность. Его выразительность несколько снижается из-за того, что ему всё ещё приходится сидеть с закрытым ртом, и глаза у него начинают слезиться.

— Полдюжины лет назад или около того, — продолжает мистер Сапси, — когда я расширил свой кругозор до... Я не буду говорить, до чего он расширился сейчас, потому что это может показаться слишком необъятной темой, но до такой степени, что мне захотелось, чтобы этим увлекся другой разум... В общем, я огляделся в поисках партнёра для бракосочетания... Потому что, как я уже сказал, человеку вредно быть одному.

Мистер Джаспер, похоже, запечатлевает эту оригинальную идею в памяти.

— Мисс Бробити в то время содержала, я не буду называть это заведение конкументом Женского Приюта, напротив, но я назову его конкурирующим параллельным заведением в центре города. В мире ходили слухи, что она с энтузиазмом посещала мои аукционы, когда они проходили в праздничные дни или во время каникул. Мир твердил, что она восхищается моим стилем. Мир действительно заметил, что со временем мой стиль стал отчётливо прослеживаться в диктантах учениц мисс Бробити. Молодой человек, тогда с тайной злобой даже пронёсся шепоток, что один невежественный и одурманенный мужлан (родитель) настолько увлёкся, что выступил против этого, нескрывая имени. Но я в это не верю. Ибо возможно ли, чтобы хоть одно человеческое существо, находящееся в здравом уме, так открыто подставляло себя под то, что я называю презрительным взглядом?

Мистер Джаспер качает головой. Мистер Сапси, пребывая в состоянии напыщенной рассеянности, по-видимому, наполняет бокал своего гостя, который уже полон, и на самом деле наполняет свой собственный, который пуст.

— Молодой человек, мисс Бробити была глубоко проникнута уважением к Вселенскому Разуму. Она преклонялась перед Умом, когда он начинал или, как я говорю, устремлялся к обширным познаниям мира. Когда я сделал ей предложение, она оказала мне честь, преисполнившись такого благоговейного трепета, что смогла произнести только два слова: «О, ты!» — имея в виду меня самого. Её ясные голубые глаза были устремлены на меня, полупрозрачные руки сжаты на груди, бледность залила её орлиное лицо, и, хотя я подбадривал её продолжать, она не произнесла больше ни слова. Я продал параллельное заведение по частному контракту, и мы сблизились настолько, насколько это было возможно в данных обстоятельствах. Но она так и не смогла подобрать фразу, которая соответствовала бы её, возможно, слишком благоприятной оценке моего интеллекта. До самого последнего момента

(слабая работа печени) она обращалась ко мне в тех же незаконченных выражениях, как...

Мистер Джаспер закрывает глаза, а аукционист понижает голос. Теперь он резко открывает их и произносит в унисон с глубоким голосом:

— Ах! — как бы останавливая себя на грани того, чтобы не добавить: «К мужчине!»

— С тех пор, — говорит мистер Сапси, вытянув ноги и торжественно наслаждаясь вином и теплом камина, — я стал таким, каким вы меня видите; с тех пор я стал одиноким скорбящим старцем; с тех пор, как я уже сказал, я трачу свои вечерние беседы на воздух пустыни. Не скажу, что я упрекал себя, но бывали моменты, когда я задавал себе вопрос: а что, если бы её муж был ближе к ней, был на одном уровне с ней? Если бы ей не приходилось задирать голову так высоко, какое стимулирующее воздействие это могло бы оказать на печень?

Мистер Джаспер с видом чудовищно подавленного человека, говорит, что «чему быть — тому не миновать!».

— Мы можем только предполагать свою будущность, сэр, — соглашается мистер Сапси.

— Как я уже сказал, человек предполагает, а Небо располагает. Это может быть выражением той же мысли в другой форме, а может и не выражаться, но я излагаю её именно так, — бормочет мистер Джаспер в знак согласия.

— А теперь, мистер Джаспер, — продолжает аукционист, доставая свой клочок рукописи, — поскольку у могилы миссис Сапси было достаточно времени, чтобы осесть и высохнуть, позвольте мне узнать ваше мнение, как человека со вкусом, о надписи, которую я (как я уже отмечал, не без некоторого волнения) набросал для него. Возьмите вот это в свои руки. Необходимо внимательно проследить за расположением строк, а также за содержанием текста». Мистер Джаспер подчиняется, глядя дывается и читает следующее:

«ЭТЕЛИНДА

Почтенная супруга мистера ТОМАСА САПСИ, АУКЦИОНИСТА, ОЦЕНЩИКА, АГЕНТА ПО НЕДВИЖИМОСТИ И т.д., ИЗ ЭТОГО ГОРОДА, КЛОЙСТЕРГЕЙМА. Чьи знания о мире, хотя были и довольно обширны, никогда не позволяли его ДУХУ РАВНЯТЬСЯ С Более Способной чем он. НЕЗНАКОМЕЦ, ОСТАНОВИСЬ И задай себе вопрос: МОЖЕШЬ ЛИ ТЫ ПОСТУПИТЬ ТАК ЖЕ? Если нет, ТО, ПОКРАСНЕВ, УДАЛИСЬ

Мистер Сапси встаёт и останавливается спиной к камину, чтобы понаблюдать, какое впечатление производят эти строчки на человека со вкусом, а потому поворачивается лицом к двери, когда его служанка, появившись снова, объявляет:

«Дердлс пришёл, сэр!»

Он тут же достаёт и наполняет третий бокал, который теперь уже точно потребует, и отвечает:

«Пригласите Дердлса войти!

— Превосходно! — говорит мистер Джаспер, возвращая газету.

— Вы одобряете, сэр?

— Невозможно не одобрить. Поразительный, характерный и завершённый по своей красоте текст!

Аукционист склоняет голову, как человек, принимающий должное и дающий расписку, и приглашает вошедшего Дердлса взять третий бокал вина (протягивая его ему), потому что это согреет его. Дердлс — каменщик, он занимается главным

образом изготовлением надгробий и надгробно-памятных знаков и полностью соответствует их цвету с головы до ног. В Клойстерхэйме нет человека более известного, чем он. Он признанный распутник, и издавна держит в блюде пальму первенства. Слава возвещает о нем также, как о замечательном работнике, которым, насколько всем известно, он, возможно, и является (поскольку он никогда не работает); и как о замечательном пьянице, о чём все знают. Со склепом собора он знаком лучше, чем любой из ныне живущих авторитетов; возможно, даже лучше, чем любой из умерших. Он бы мог быть прекрасным гидом по местным склепам, но о своём желании ему стыдно признаваться. Говорят, что близость этого знакомства началась с того, что он стал регулярно посещать это тайное место, чтобы запереть там мальчишек из Клойстерхэйма и отоспаться после выпивки: у него был свободный доступ в собор в качестве подрядчика для чернового ремонта. Как бы то ни было, он действительно много знает об этом и, разбирая разбитые фрагменты стен, контрфорсов и мостовой, видел странные зрелища. Он часто говорит о себе в третьем лице; возможно, немного туманно представляя, кто он такой и что с ним было, когда рассказывает; а возможно, беспристрастно и безоговорочно приняв терминологию Клойстерхэйма в отношении такого общепризнанного, выдающегося персонажа.

Вот как это звучит, когда он касается какого-нибудь странного происшествия: «И тут Дердлс споткнулся об этого старикашку», — речь, естественно, идёт о похороненном тут древнем магнате и человеке высокого положения, — «Тут я саданул киркой прямо в гроб».

Старик смотрит на Дердлса своими открытыми, никогда не моргающими глазами, как бы говоря: «Вас зовут Дердлс? Боже мой, я ждал тебя чертову уйму лет! —

И тут он ахнул и превратился в пыль!»

С двухфутовой линейкой в кармане и каменотёсным молотком в руке Дердлс постоянно ходит, простукивая все вещи вокруг и внутри собора, и всякий раз, когда он говорит Топу: «Топ, кажется, здесь ещё один старикан!», — тот отвечает: «Топ!»

Ошибки тут быть не может!

Топ идёт и объявляет об этом декану как о непреложном открытии. В костюме из грубой фланели с роговыми пуговицами, жёлтом шейном платке с растрёпанными концами, старой шляпе скорее красновато-коричневого, чем чёрного цвета и шнурованных ботинках того же оттенка, что и его профессия, Дердлс ведёт рассеянный цыганский образ жизни, носит с собой обед в маленьком узелке и обедает, традиционно сидя на всевозможных надгробиях. Этот узелок с обедом у Дердлса стал настоящим клойстерхэймским притчей во языцех: не только потому, что он никогда не появлялся на публике без него, но и потому, что в частых и широко известных случаях Дердлса арестовывали строго вместе с ним (как пьяного и недееспособного) и с ним же выставляли перед судом в ратуше. Однако последнее время таких случаев было немного, и они происходили далеко друг от друга: ибо ныне Дердлс был так же редко пьян, как и трезв.

В остальном он старый холостяк и живёт в маленьком старомодном домишке, который так и не был достроен: предполагалось, что он будет построен из камней, украденных из городской стены. К этой обители святости есть подход, утопающий по щиколотку в каменной крошке, он напоминает окаменевшую рощу надгробий, урн, драпировок и разбитых колонн на всех стадиях завершённости и разрушения. Здесь два подмастерья непрерывно пилят камень, в то время как два других подмастерья, стоящие лицом друг к другу, непрерывно пилят друг друга и ругаясь, так же регулярно ныряя в свои укрытия-сторожевые будки и выходя из них, как если бы

они были механическими куклами в городских часах, символизирующими Время и Смерть. Т

Только когда каменотёс выпивает свой бокал портвейна, Мистер Сапси доверяет Дердлсу драгоценный порыв своей Музы. Дердлс механически достаёт двухфуттовую линейку и спокойно обмеряет линии, выравнивая и запорашивая каменной пылью.»

— Это для памятника, не так ли, мистер Сапси?

— Надпись? Да!

Мистер Сапси ждёт, какое впечатление она произведет на чтеца.

— Это будет примерно на одну восьмую дюйма! — говорит Дердлс, — Ваш покорный слуга, мистер Джаспер. Надеюсь, мы увидимся в добром здравии!

— Как поживаете, Дердлс?

— Я стал немного похож на сорванца, мистер Джаспер, но этого следовало ожидать!»

— Вы имеете в виду ревматизм? — говорит Сапси резким тоном. (Он раздражён тем, что его сочинение пролетает мимо потенциального поклонника и воспринимается так механически.)»

— Нет, я сам не понимаю. Я имею в виду, мистер Сапси, томбатизм. Или гроботизм, как вам будет угодно! Это другая разновидность ревматизма.

Мистер Джаспер знает, что имеет в виду Дердлс.

Зимним утром, когда ещё не рассвело, если ты окажешься среди этих могил и будешь, как сказано в катехизисе, ходить по ним всю жизнь, и ты поймешь, что значит «Дердлс».

— Это очень промозглое место! — соглашается мистер Джаспер, поёживаясь от отвращения. -О, если вам очень холодно там, наверху, в алтаре, когда вокруг вас дымится дыхание живых, то каково же Дердлсу там, внизу, в склепе, среди земляной сырости и мёртвого дыхания старцев? — отвечает человек.

— Дердлс, только вам судить.

— Это нужно сделать немедленно, мистер Сапси?

Мистер Сапси, со свойственным автору стремлением поторопиться с публикацией, отвечает, что медлить с этим не следует.

— Тогда вам лучше сразу отдать мне ключ! — говорит Дердлс.

— Да ведь это не должно быть помещено внутрь памятника, приятель!

— Дердлс знает! Дердлс знает, куда что нужно положить, мистер Сапси, как никто другой. Спросите у кого-нибудь в Клойстерхэйме, знает ли Дердлс своё дело!

Мистер Сапси встает, достаёт ключ из ящика стола, отпирает железный сейф, вделанный в стену, и достаёт оттуда другой ключ.

— Когда Дердлс завершает свою работу, неважно, что и где, внутри или снаружи, ему нравится смотреть на свою работу со всех сторон и видеть, что его работа делает ему честь! — упрямо объясняет Дердлс. Ключ, который дал ему безутешный вдовец, был большим, и тот сунул свою двухфуттовую линейку в боковой карман своих фланелевых брюк, специально предназначенных для этого, и намеренно расстегнул фланелевое пальто, а также открыл отверстие большого нагрудного кармана, прежде чем взять ключ и положить его в карман этого хранилища.

— Ну что вы, Дердлс! — воскликнул Джаспер, с изумлением наблюдая за происходящим, — У вас ведь полно карманов!

— И у меня они тоже нагружены, как мама, не горюй, тяжёлые, мистер Джаспер. Потрогай-ка их!

Он достал еще два больших ключа и передаёт их мистеру Сапси.

Чуешь! Несомненно, этот самый тяжелый из трех! Я думаю, они вам понравятся! — говорит Дердлс, — Все они от несравненных памятников архитектуры. Все они открывают работы Дердлса. Дердлс хранит в основном ключи от своих работ у себя. Не то чтобы ими часто пользовались, но всё же...

— Кстати, — приходит на ум Джасперу, когда он лениво перебирает ключи, — я уже много раз собирался спросить тебя об этом, но все время забывал. Ты ведь знаешь, что тебя иногда называют Стоуни Дердлс, не так ли?

— В Клойстерхэйме меня все знают как Дердлса, мистер Джаспер.

— Я, конечно, в курсе. Но мальчики иногда...

— О! Если вы будете ещё и обращать внимание на этих чертенят, — грубо прерывает его Дердлс, то... Впрочем, я обращаю на них внимания не больше, чем вы. Но на днях в хоре разгорелся спор о том, не заменил ли Стоуни Тони, — он звякнул одним ключом о другой. («Позаботьтесь о подопечных, мистер Джаспер»). «Или то, что Стоуни заменил Стивена», — снова звяк ключами, в другой тональности. («Из них не сделаешь дудочку, мистер Джаспер»)

— Или это название связано с вашей профессией. Как обстоят дела с этим? Мистер Джаспер взвешивает три ключа на ладони, поднимает голову, лениво склонившись над камином, и с простодушным и дружелюбным видом протягивает ключи Дердлсу. Но каменный человек, хотя и грубоват, и его туманное состояние — это всегда неуверенное состояние отсутствия равновесия, высоко ценит свое достоинство и склонен обижаться. Он кладёт два ключа обратно в карман, один за другим, и застегивает их; потом берёт свой пакет с обедом со спинки стула, на который повесил его, когда вошёл; он тщательно распределяет вес, который несёт, привязывая к низке третий ключ, как будто он обычный человек. Походкой страуса, проглотившего кочергу, он выходит из комнаты, не удостоив никого ни словом в ответ.

Затем мистер Сапси предлагает сыграть партию в нарды, которая, приправленная его собственной увлекательной беседой и завершающаяся ужином из холодного ростбифа и салата, затягивает чудесный вечер довольно надолго. Мудрость мистера Сапси, которую он преподносит смертным, скорее рассеянна, чем эпиграмматична, и даже на этом его мудрость отнюдь не исчерпывается; но его посетитель намекает, что в будущем он ещё вернется за этим сверхценным приобретением, и мистер Сапси отпускает его пока поразмыслить той партией мудрости, которую гость унесет с собой.

Глава V

Мистер Дердлс и Его Друг.

Потом Джон Джаспер, возвращающийся домой через Клоуз, застывает на месте при виде Стоуни Дердлса, со свертком с обедом и всем прочим, прислонившись спиной к железной ограде кладбища, отделяющей его от старых монастырских арок, и отвратительного маленького мальчика в лохмотьях, швыряющего в него камни. Камни летят в него, как в чётко очерченный силуэт в лунном свете. Иногда камни попадают в цель, а иногда мажут, но Дердлсу, похоже, безразличны то и другое. Отвратительный маленький мальчик, напротив, всякий раз, когда он попадает в Дердлса, издает торжествующий свист через щель в зубах, специально приспособленную для этой цели, в передней части рта, где у него не хватает половины зубов, есть прекрасные возможности для громкого свиста; и всякий раз, когда он промахивается, он кричит: «Молоко! Черт возьми!» — и пытается загладить свою вину, за неудачу, взбрыкнув и избрав более правильную и порочную цель.

— Что ты тут вытворяешь? — спрашивает Джаспер, выходя на лунный свет из тени.

— Валяю вураса! Пугаю этого! — отвечает отвратительный маленький мальчик.

— Отдай мне все камни, что у тебя в руке!»

— Да, я скорее всажу их тебе в глотку, если ты попытаешься меня схватить! — говорит маленький мальчик, отряхиваясь и пятясь, — Я выбью тебе глаз, если ты не отвалишь!

— Чертенюк ты этакий, что этот человек тебе сделал?

— Он не хочет идти домой!

— Тебе-то что до этого?

— Он дает мне пенни, чтобы я отвезил его домой, если он припозднится, — цедит мальчик. И затем распевает, как маленький дикарь, наполовину спотыкаясь, наполовину танцуя среди лохмотьев и шнурков своих ветхих ботинок:

«Ай, ай, яй! Кирик-чушь-ди! Заберу до десяти! А не будешь, кри-ку-ку! Камнем проломлю башку!» — с ударением на последнем слове и с ещё одной непередаваемой фразой в адрес Дердлса горланит малыш.

Завершив арию, малыш нелепо размахивается с плеча и мечет очередной град камней.

Это, по-видимому, поэтическая предварительная тирада, принятая как предостережение Дердлсу держаться подальше, если он сможет, или возвращаться домой. Джон Джаспер жестом приглашает мальчика следовать за ним (чувствуя, что тащить его или уговаривать бесполезно) и подходит к железным перилам, где Каменный (и побитый камнями) Человек раскачивается на месте, вероятно, глубоко медитируя.

— Ты знаешь эту тварь, этого ребёнка? — спрашивает Джаспер, не зная, каким термином обозначить это неопределимую, мятущуюся сущность.

— Помощник шерифа! — с трудом кивает Дердлс.

— Это что, имя? Это его так зовут?

— Помощник шерифа! — невнятно бормочет Дердлс.

— Я работаю слугой в гостинице «Трэвеллерс Твопенни» в Гардинге, на газовом заводе», — объясняет жидкая тварь, — Всех нас, слуг в гостинице «Трэвеллерс»,

зовут «помощниками шерифа». Когда мы набиваемся карманы под завязку и все путешественники укладываются дрыхнуть, я выхожу сам!

Затем, отступив на дорогу и прицелившись, он продолжает:

«Уди-уди-уди -скот! На охоте дикий кот!»

— Придержи клешни! — кричит Джаспер, — и не бросайся, пока я стою так близко от него, или я тебя угроблю на месте! Пойдём, Дердлс, сегодня вечером я провожу тебя домой. Мне понести твой узелок?

— Ни в коем случае! — отвечает Дердлс, отчаянно прижимая узелок к себе, — Дердлс размышлял здесь, когда вы подошли, сэр, окруженный своими шедеврами как попу... популярный творец! Ваш собственный, неза... бвенный шурин здесь! — и он делает королевский жест рукой, представляя саркофаг за оградой, белый и холодный в лунном свете.

«Миссис. Сапси», — гооврит он, широким жестом представляя памятник этой преданной жене, — «Покойный настоятель, гм» представляет он, указуя на полуразрушенный монумент преподобного джентльмена, — «Безвременно усопый налоговый инспектор», — представляя вазу и полотенце, стоящие на том, что при определённой фантазии может напоминать огромную мыльницу, — Бывший кондитер и кексопекарь, пользующийся большим уважением в о...! И пред нами очередное надгробие, — Здесь всё чики-чики, в целости и сохранности, сэр, и все работы Дердлса здесь. Простые люди, мать их, соль земли, которые теперь просто кутаются в дёрн и ежевику, я плачу, где втоё верное плечо, и чем меньше говорят, тем круче. Бедняги, о них скоро забудут! О-оооо! Но я — никогда!

— Это существо, помощник шерифа, следует за нами! — говорит Джаспер, тревожно оглядываясь. — Оно так и будет клеится за нами?

Отношения между Дердлсом и помощником Шерифа явно весьма своеобразны, ибо, когда Дердлс разворачивается с медлительной серьёзностью пьяной внезапности, как будто желая погнаться за кладбищенским чёртом, помощник шерифа делает довольно широкий круг по дороге и занимает оборонительную позицию за каким-то склепом! Вероятно, ритуал давно отрететирован и все знают свои роли.

— Ты никогда не предупреждал меня перед тем, как начать сегодня», — говорит Дердлс, неожиданно вспомнив о травме или вообразив её себе, — Ты не кричал: «Берегись!»

— Ты лжешь, я кричал! — вопит помощник шерифа с такой тёплой, дружеской горячностью, какую трудно представить в таком мерзком чудище.

— Родной брат, сэр, — замечает Дердлс, снова поворачиваясь и так же неожиданно забывая о своей обиде, как и вспоминал о ней. — Родной брат, Питер-Дикарь! Суцая обезьяна в ермолке! Но я дал ему цель в жизни.

— В которую он целится? — предполагает свою версию мистер Джаспер.

— Вот именно, сэр, — отвечает Дердлс, весьма довольный тем, как собеседник ухватил нить разговора, — в которую он и целится. Я взял его в руки и дал ему ремесло. Кем он был раньше? Разрушителем. Бандюгой и вором! Какую работу он выполнял? Ничего, кроме разрушения и беспорядка! Что он этим зарабатывал? Короткий, сливочный срочок-с в тюрьме Клойстерхэйм. Только камнями швырялся! Никого не пропустит, не человека, не чужой вещи, ни телегу, ни лошадь, ни собаку, ни кошку, ни птицу, ни курицу, ни свинью, а всё почему? Потому, что не было у него хорошей цели. Я показал ему этот просветленный пример, и теперь он может превращать свои честные полпенни в три пенни в неделю!

— Я удивляюсь, что у него нет конкурентов!

— У него их куры не клюют, мистер Джаспер, но он их все забрасывает камнями. Так вот, я не знаю, к чему приведет мой план, — продолжает Дердлс, размышляя об этом с той же мрачной платоновской серьёзностью, — я не знаю, как это можно точно назвать. Это ведь по зрелому размышлению не может быть своего рода программой национального образования?

— Я бы сказал, что нет! — отвечает Джаспер.

— Я бы тоже сказал, что нет! — соглашается Дердлс но ведь мы не будем пытаться дать этому названия!

— Он все еще маячит позади нас! — повторяет Джаспер, оглядываясь через плечо, — Он, что, последует за нами?

— Мы не можем не воспользоваться задами огородов, и если пойдём коротким путем, мимо «двухпенсовых номеров для путешественников», то там есть чёрный ход, — отвечает Дердлс, — и высадим его там! Неплохая идея, да?

Итак, они идут дальше; помощник шерифа, как замыкающий строй, соблюдает отмеренную дистанцию и порядок, и нарушает тишину этого часа и этого места, только продолжая забрасывать камнями каждую стену, столб, колонну и другой неодушевленный предмет на пустынной дороге.

— Дердлс! Есть ли какие-нибудь новости из подземелий? — спрашивает Джон Джаспер.»

— Я думаю, ты имеешь в виду какие-нибудь старости», — ворчит Дердлс, — Подземелье — это не место для новшества!

— Я имел в виду какие-нибудь новые открытия или находки с твоей стороны!

— Под седьмой колонной слева, если спуститься по разбитым ступеням маленькой подземной часовни, какой она была раньше, можно увидеть одного старикашку; я представляю его (насколько я ещё могу судить) одним из тех стариканов с посохом. Судя по размерам проходов в стенах, а также по лестницам и дверям, через которые они входили и выходили, эти мошенники, должно быть, были очень похожи на гномов! Две подписи из тех, что встречаются, совсем неразборчивы и бессвязны, должно быть, они довольно часто ловили друг друга на слове, и каламбурили, я бы сказал.

Не пытаясь опровергнуть буквальность этого мнения, Джаспер внимательно разглядывает своего спутника, покрытого с ног до головы старым раствором, известью и каменной крошкой, как будто он, Джаспер, проникается романтическим интересом к его странной жизни.

— У вас очень любопытное существование, однако!

Не давая ни малейшего ответа на вопрос, воспринимает ли он это как комплимент или совсем наоборот, Дердлс грубовато отвечает: — У вас — другое дело!

— Ну что ж! Поскольку моя судьба связана с тем же старым, земным, холодным, никогда не меняющимся местом, то да. Но в вашей связи с Собором гораздо больше загадочности и интереса, чем в моей. В самом деле, я начинаю подумывать о том, чтобы попросить вас взять меня к себе в ученики или на вольную подработку и позволить мне иногда бывать с вами и осматривать те странные уголки, в которых вы проводите свои дни!

С каменным видом Дердлс отвечает неопределённо:

— Хорошо. Все знают, где найти Дердлса, когда он нужен!

Что ж, если это и не совсем верно, то приблизительно соответствует действительности, если принять во внимание, что Дердлса всегда можно найти где-нибудь шляющимся бродягой.

— Больше всего меня завораживает, — говорит Джаспер, продолжая свою романтическую струю, — так это та поразительная точность, с которой вы, что бы

ни было, определяете, где похоронены люди. Не понимаю, как вам это удаётся! В чем дело? Этот сверток мешает вам, дайте-ка я его подержу!

Дердлс останавливается и немного пятится (помощник шерифа, внимательно следивший за всеми его движениями, при этом немедленно выскакивает на дорогу) и начинает озираться в поисках какого-нибудь выступа или угла, на который можно было бы положить свой узел, когда его таким образом освободили.

— Только подай мне оттуда мой молоток, — говорит Дердлс, — и я вам всё покажу! Цок-цок. И ему вручают молоток. А теперь взгляните сюда. Вы ведь задаёте свою ноту хору, не так ли, мистер Джаспер?

— Да!

Итак, мне придётся подать голос в свою защиту. Я беру молоток и стучу». (Здесь он ударяет по тротуару, и внимательный помощник шерифа начинает швырять камни с гораздо большего расстояния, предполагая, что его голова может быть в опасности.) Я просто стучу, стучу, и стучу. Солидно! Я продолжаю постукивать. Все так же твёрдо! Ладно! Простукиваю ещё раз! Пустота! Там полость! Постукиваю снова, настойчиво. Что-то твёрдое в пустоте! Постукиваю, постукиваю, постукиваю, чтобы попробовать получше. Это надо чувствовать! Это с опытом приходит! Твёрдое в пустоте; а внутри твёрдого снова полость! Вот ты где! Всё ясно! Старик рассыпался в прах в каменном гробу, в склепе!

— Поразительно!

— Я и не то умею! — говорит Дердлс, вытаскивая свою двухфуттовую линейку (помощник шерифа тем временем подбирается ближе, подозревая, что клад, возможно, вот-вот будет обнаружен, что может каким-то образом привести к его собственному обогащению, а также к тому, что первооткрывателей наверняка повесят за шею, по его доносу, чтоб они сдохли).

— Допустим, этот мой молоток — и стена — моя работа. Два; четыре; и два равно шести, — отмеряем на тротуаре. Всё ясно! На глубине шести футов от этой стены лежит миссис Сапси!

— Как это миссис Сапси? На самом деле никакой там миссис Сапси нет!

— Предположим, что «миссис Сапси». У неё стена толще, но скажем, это «миссис Сапси». Дердлс постукивает по стене этим молотком, и произносит, старательно выговаривая слова: «Между нами, миссис, что-то есть! Конечно же, на том же шести-футовом пространстве люди Дердлса оставили какой-то мусор! Джаспер полагает, что такая точность — «Это дар божий! Подарок судьбы!».

— Я бы не хотел, чтобы это было подарком судьбы», — отвечает Дердлс, отнюдь не принимая это замечание всерьёз. — Я сам до этого додумался. Дердлс добывает свои знания, копаясь в них досконально и вырывая их с корнем, когда они не хотят проявляться. Помощник шерифа, здорово живёшь!

— Уидди! Куку-реку! — пронзительно кричит помощник шерифа, снова отлетая в сторону. — Лови свои полпенни! И чтобы я тебя больше не видел сегодня вечером, после того как мы зайдем в «Двухпенсовик Для Путешественников».

— Внимание-внимание! Говорит Германия! — отвечает помощник шерифа, поймав полпенни и, по-видимому, этим таинственным словом выражая свое согласие с условиями сделки. Им нужно всего лишь пересечь то, что когда — то было виноградником, принадлежавшим бывшему монастырю, чтобы попасть в узкий переулок, где стоит сумасшедший деревянный двухэтажный дом, ныне известный как «Двухпенсовик Для Путешественников»: дом, весь перекошенный и перекрученный, как и моральные устои населяющих его путешественников, скудные остатки решётчатого крыльца над дверью, а также ошметки, торчащего своими сточенными

зубами деревенского забора перед вытоптаным садом; по той причине, что путешественники настолько привязаны к этому месту нежными чувствами (или так любят разводить костер на обочине дороги в течение дня), что их невозможно уговорить уехать, даже пригрозив выселением, а уговорив, обеспечить, чтобы выезжающий отбыл, не завладев при этом какой-нибудь деревянной незабудкой, или ещё чем, прихваченным на память. Подобие постоянного двора пытаются придать этому убогому месту с помощью фрагментов обычных красных занавесок на окнах, которые по ночам становятся мутно-прозрачными из-за слабых огней из тростника или хлопчатобумажной ткани, тускло горящих в спёртых помещениях. Когда Дердлс и Джаспер приближаются, к ним обращается бумажный фонарь с надписью над дверью, описывающий назначение дома. К ним также обращаются с полдюжины других отвратительных мальчишек — будь то квартиранты за два пенса, или их последователи, или прихлебатели, кто знает! — которые, словно привлеченные запахом падали, исходящим от помощника шерифа, вылетают на лунный свет, как стервятники в пустыне, и немедленно приступают к побиванию камнями его и друг друга.

— Остановитесь, молодые негодяи, — сердито кричит Джаспер, — и дайте нам пройти!

Этот выплеск встречен криками и летящими камнями, в соответствии с обычаем, который в последние годы прочно утвердился в полицейских уставах наших английских общин, где христиан забрасывают камнями со всех сторон, как будто воскресли времена святого Стефана. Дердлс делает многозначительную заметку о молодых дикарях, у которых «в жизни нет цели», — и направляется вниз по дорожке. На углу улицы Джаспер, вне себя от ярости, останавливает своего спутника и оглядывается. Всё тихо. В следующий момент в его шляпу летит камень, и вдалеке раздаётся крик: «Внимание! Пли!» — сопровождаемый оголтелым карканьем, словно из какого-то дьявольского шантеклера, извещающего его, под чьим победоносным огнем находится цель, он сворачивает за угол в безопасное место, чтобы отсидеться, и ведёт Дердлса домой. В своём каменистом дворе Дердлс спотыкается среди мусора, как будто намерен врезаться головой в один из недостроенных склепов. Джон Джаспер возвращается другим путём к своей сторожке у ворот и, тихонько открыв дверь своим ключом, обнаруживает, что огонь в камине продолжает гореть. Он достаёт из запертого шкафа необычного вида трубку, набивает её — но не табаком — и, очень осторожно отрегулировав содержимое чаши с помощью маленького инструмента, напоминающего ложечку, поднимается по внутренней лестнице, содержащей всего несколько ступенек. Она приводит его в две комнаты. Одна из них — его собственная спальня, другая — комната его племянника. В обеих горит свет. Его племянник спит, спокойный и безмятежный. Джон Джаспер некоторое время стоит, глядя на него сверху вниз, с незажжённой трубкой в руке, с пристальным и глубоким вниманием. Затем, стараясь не шуметь, он проходит в свою комнату, раскуривает трубку и отправляется навстречу Призракам, которые вызваны явиться ровно в полночь.

Глава VI

Филантропия в уголке Младшего Каноника

Преподобный Септимус Криспаркл (Септимус, потому что шестеро младших братьев Криспарклов до него погасли один за другим, едва появившись на свет, как шесть слабых огоньков, едва их зажгли), разбив тонкий утренний лед у Клоистерхэмской плотины своей милой головкой, что немало укрепило его организм, Теперь он помогал своему кровообращению, боксируя в зеркале с большой наукой и мастерством. Зеркало представило свежий и здоровый портрет преподобного Септимуса, который с величайшим искусством делал ложные выпады и уклонялся, а также наносил удары плечом с предельной прямоотой, в то время как его лучезарные черты были полны невинности, а боксёрские перчатки излучали мягкосердечную доброжелательность. Еще не наступило время завтрака, потому что миссис Криспаркл — мать, а не жена преподобного Септимуса — только что спустилась вниз и ждала, когда принесут кофе. И действительно, преподобный Септимус в этот самый момент оторвался от работы, чтобы обхватить своими боксерскими перчатками входящее личико хорошенькой пожилой леди и поцеловать его. Сделав это с нежностью, преподобный Септимус снова повернулся, нанеся удар левой и нанеся удар правой с потрясающей силой.

— Я каждое утро говорю себе, что ты наконец-то сделаешь это, Септ, — заметила пожилая леди, наблюдая за происходящим, — и так и будет.

— Что я сделаю, ма, дорогая?

— Расколотишь трюмо или у тебя лопнет кровеносный сосуд!

— Ниего подобного не будет, ради бога, мамочка, дорогая. А вот и ветер, мамочка. Посмотри на это! В заключительном раунде очень суровых мер преподобный Септимус избежал всевозможных наказаний и в конце концов отправил чепец старой леди в канцелярию — таков технический термин, используемый в научных кругах знатоками Благородного искусства, — с легкостью, от которой едва ли шелохнулся бы самый легкий лавандовый аромат или украсить вишневым лентой. Великодушно отпустив побежденного, как раз вовремя, чтобы убрать перчатки в ящик стола и притвориться, что он задумчиво смотрит в окно, когда вошел слуга, преподобный Септимус поставил на стол вазу и занялся другими приготовлениями к завтраку. Когда они закончили, и снова остались вдвоём, было приятно видеть (или было бы приятно, если бы кто-нибудь мог это увидеть, чего никогда не было), как пожилая леди встаёт, чтобы произнести вслух благодарственную молитву Господню, а её сын, младший каноник, тем не менее, стоит, склонив голову, чтобы слышать каждое слово, почти так же, как он склонял чело, когда ему не доставало всего пять лет до сорока: тогда он мог слышать те же слова из тех же уст, когда ему не хватало пять полгода до четырёх лет. Что может быть красивее старой леди — не говоря о молодой, — когда у неё ясные глаза, когда её фигура стройна и подтянута, когда её лицо радостно и спокойно, когда её платье похоже на наряд фарфоровой пастушки из буфета: такое изысканное по цветам, такое индивидуально подобранное, такое аккуратно облегающее её?

«Нет ничего прекраснее!», — часто думал добрый младший каноник, усаживаясь за стол напротив своей давно овдовевшей матери. Её мысли в такие моменты можно свести к двум словам, которые чаще всего звучали в её разговорах: «Моя септа!»

Они были подходящей парой, чтобы вместе позавтракать в уголке младших каноников в Клойстерхэйме. Ибо Малый Канонический уголок был тихим уголком в тени собора, где карканье грачей, гулкие шаги редких прохожих, звон соборного колокола или раскаты соборного органа, казалось, создавали больше тишины, чем в склепе. Чванливые воины веками бесчинствовали в Малом Каноническом углу, и избитые рабы веками вкалывали там и умирали, и могущественные монахи веками были иногда полезны, а иногда и вредны, и вот, все они ушли из Малого Канонического угла, и так много всего произошло, что чем больше, тем лучше. Возможно, одним из величайших преимуществ их пребывания там было то, что они могли оставить позади ту благословенную атмосферу спокойствия, которая царила в Малом Каноническом уголке, и то безмятежно — романтическое душевное состояние, вызывающее по большей части жалость и снисходительность, которое порождается печальной историей, которая по сути — это все, что сказано, или жалкая пьеса, которая разыгрывается в погорелом театре. Стены из красного кирпича, гармонично выцветшие со временем, плющ с сильными корнями, окна с решетками, комнаты, отделанные панелями, большие дубовые балки в небольших помещениях и сады с каменными стенами, где на деревьях, напоминающих монашеские, ещё не созрели ежегодные плоды, — вот что окружало миловидную старую миссис Криспаркл и преподобного Септимуса, когда они сидели за завтраком.

— И что же, дорогая, — осведомился младший каноник, демонстрируя здоровый и бодрый аппетит, — говорится в письме?

Хорошенькая пожилая леди, прочитав его, сразу положила на скатерть для завтрака. Она передала его сыну. Так вот, старая леди чрезвычайно гордилась тем, что её ясные глаза были настолько ясны, что она могла читать написанное без очков. Её сын тоже так гордился этим обстоятельством и так старательно старался, чтобы она извлекла из него как можно больше удовольствия, что придумал предлог, будто сам не может прочесть написанное без очков. Поэтому теперь он надел очки внушительных размеров, которые не только причиняли серьезные неудобства его носу и его завтраку, но и серьёзно затрудняли чтение письма. Потому что у него были глаза, как у микроскопа и телескопа одновременно.

— Это, конечно, от мистера Ханит-Грома, — сказала пожилая леди, скрестив руки на груди.

— Конечно, — согласился ее сын. Затем он, запинаясь, прочитал дальше:

«Благотворительный Приют, Главный офис, Лондон, среда».

«ДОРОГАЯ мадам», — пишу я...

— В «что это?» В чём он пишет?

— В кресле! — ответила пожилая леди. Преподобный Септимус снял очки, чтобы видеть её лицо, и воскликнул:

— А чём же ему писать?

— Благослови меня, благослови меня, Септ, — ответила пожилая леди, — ты не понимаешь контекста! Верни мне это, моя дорогая. Обрадованный тем, что снял очки (от них у него всегда слезились глаза), ее сын повиновался, бормоча, что с каждым днем его зрение при чтении рукописей становится все хуже и хуже. — «Я пишу, — продолжала его мать, читая очень разборчиво и четко, — сидя в кресле, к которому, вероятно, буду прикована в течение нескольких часов». Септимус посмотрел на ряд стульев у стены с выражением наполовину протеста, наполовину мольбы на лице.

— «Мы проводим, — продолжала читать пожилая леди с небольшим ударением, — заседание нашего Главного сводного комитета, состоящего из центральных

и окружающих филантропов, в нашем Главном приюте, как указано выше; и они единодушно рады, что я возглавляю его». Септимус вздохнул свободнее и пробормотал: «О! Если он дойдёт до этого, пусть себе старается».

— «Чтобы не терять ни дня, я пользуюсь случаем и зачитываю длинный отчёт, обличающий общественного негодяя...

— Просто поразительно, — вмешался кроткий младший каноник, отложив нож и вилку и раздраженно потирая ухо, — что эти филантропы всегда кого-нибудь осуждают. И это еще одна самая удивительная вещь, что они всегда так богаты негодьями!

— Разоблачаю общественного негодяя, — продолжила старая леди, — чтобы выбросить из головы наше маленькое дельце. Я поговорил с двумя моими подопечными, Нэвиллом и Хеленой Лэндлесс, на предмет их неполноценного образования, и они согласились с предложенным планом; я должна была позаботиться о том, чтобы они это сделали, нравится им это или нет!

— И ещё одна удивительная вещь, — заметил младший каноник тем же тоном, что и прежде, — что эти филантропы так любят хватать своих собратьев за шиворот и (если можно так выразиться) наставлять их на путь истинный.

— Прошу прощения, ма, дорогая, что прерываю...

— Поэтому, дорогая мадам, пожалуйста, подготовьте вашего сына, преподобного мистера Септимуса, к тому, что в следующий понедельник он будет читать вместе с Нэвиллом, как с заключенным. В тот же день Елена поедет с ним в Клойстерхэм, чтобы поселиться в Женском приюте, учреждении, рекомендованном вами и сыном совместно. Пожалуйста, также подготовьтесь к ее приему и обучению там. Условия в обоих случаях понимаются в точности так, как вы изложили мне в письменном виде, когда я начал переписку с вами по этому вопросу, после того как имел честь быть представленным вам в доме вашей сестры в этом городе. С наилучшими пожеланиями преподобному мистеру Септимусу, я, дорогая мадам, Ваш любящий брат во филантропии,

Люк Сластигрум».

— Ну, что ж, ма, — сказал Септимус, ещё немного потрепав себя за ухом, — мы должны попробовать. Не может быть сомнений, что у нас есть свободная комната, и у меня есть время, чтобы уделить внимание этому юноше, да и желание тоже. Должен признаться, я даже рад, что он не мистер Ханит-Громовержец собственной персоной. Хотя это выглядит ужасно предвзято, не так ли? — ведь я никогда его не видел. Он крупный мужчина, ма?

— Я бы назвала его крупным мужчиной, мой дорогой, — ответила пожилая леди после некоторого колебания, — но его голос намного громче!

— Чем у него самого?

— Чем у кого бы то ни было!

— Ха! — воскликнул Септимус. И покончил с завтраком с таким видом, словно вкус превосходного семейного чая а также ветчины, тостов и яиц немного подгулял. Сестра миссис Криспаркл, схожая с ней, как две капли воды, ещё одно изделие из дрезденского фарфора, они так удачно сочетались, что из них получилась бы восхитительная пара украшений для двух углов любого вместительного старомодного камина, и их по праву нельзя было бы рассматривать отдельно, была бездетной женой священника, занимавшего должность в лондонской корпорации. Мистер Ханит-Тандер, известный на публике как профессор филантропии, познакомился с миссис Криспаркл во время последней подборки фарфоровых украшений (другими словами, во время её последнего ежегодного визита к сестре), после публичного

мероприятия филантропического характера, когда нескольким преданным сиротам нежного возраста было позволено до одурения объедаться сливовыми булочками и издвигаться потоками пышных, слезливых излияний.

— Я уверен, ты согласишься со мной, мама, — сказал мистер Криспаркл, поразмыслив над этим вопросом, — что первое, что нужно сделать, — это сделать так, чтобы эти молодые люди чувствовали себя как можно более непринужденно. В этом с моей стороны нет никакого бескорыстия, потому что мы не можем чувствовать себя в одной тарелке с ними, если они не чувствуют себя непринужденно с нами. Так вот, племянник Джаспера сейчас находится здесь, и подобное следует за подобным, а молодость — за молодостью. Он приятный молодой человек, и мы пригласим его познакомиться с братом и сестрой за ужином. Это три. Мы не можем придумать, как пригласить его, не спросив Джаспера. Это четыре. Добавь мисс Твинклтон и будущую невесту-фею, и будет шесть. Добавь нас двоих, и будет восемь. Тебя устроит, если на дружеском ужине будет восемь человек, ма?

— В сентябре будет девять! — ответила пожилая леди, начиная заметно нервничать, — по-моему, девять, это чересчур!

— Моя дорогая мама, я уточняю, восемь! — Дорогой мой, наш стол и комната чловно созданы для восьми!

На том и сошлись, и когда мистер Криспаркл вместе со своей матерью нанёс визит мисс Твинклтон, чтобы договориться о приеме мисс Хелены Лэндлесс в Женском приюте, два других приглашения, имевших отношение к этому заведению, были рассмотрены и приняты. Мисс Твинклтон бросила скорбный взгляд на глобусы, словно сожалея, что их нельзя прихватить с собой, чтобы появляться в обществе, но смирилась с тем, что оставила их на старом месте. Затем Филантропу были разосланы инструкции относительно отъезда и прибытия мистера Нэвилла и мисс Хелены как раз к обеду; а аромат закипавшего бульона для супа благоухал и щекотал ноздри обитателей дома младшего каноника.

В те дни до Клойстерхэйма не было железной дороги и поезда не ходили, и мистер Сапси сказал, что её никогда здесь не будет. Мистер Сапси сказал больше; он сказал, что её никогда не должно быть, ни за какие коврижки!

И все же, как ни удивительно, даже в наши дни экспрессы не считают, что в Клойстерхэйме есть повод останавливаться, и с рёвом проносятся через него по своим более важным делам, отряхивая прах со своих колёс в знак презрения, что свидетельствует о мелкотравчатости и незначительности этого городка. Существовал какой-то отдалённый участок магистрали, ведущий куда-то еще, который должен по мнению многих мог поколебать биржевой курс и денежное обращение страны, и если бы он потерпел крах, попутно зашаталась бы Церковь и Государство, если бы они преуспели, и (конечно) Конституцию, независимо от того, случилось бы или нет. Станцию соорудили вдали от города, на выселках, но даже это настолько нарушило расписание конного транспорта в Клойстерхэйме, что конные экипажи с испугу объезжали стороной большую дорогу и пробрались в город тайком по каким-то тропам, мимо конюшни, на углу которой много лет висела табличка: «Осторожно! Злая Собака!».

Мистер Криспаркл направился к этому позорному месту, ожидая прибытия небольшого приземистого омнибуса с всегда чудовищно большой кучей багажа на крыше, он был похож на маленького слоника с бесконечно большим багажом, который в то время ежедневно курсировал между Клойстерхэймом и внешним миром.

Когда карета с грохотом подъехала, мистер Криспаркл едва мог разглядеть что-либо ещё, кроме груды саквояжей, потому что на козлах сидел крупный пас-

сажир, расставивший локти и положивший ладони на колени, отчего водитель превратился в неудобный маленький компас, а лицо у него было суровое.

— Это Клойстерхэйм? — спросил пассажир громким голосом.

— Это он и есть, — ответил кучер, потирая перекошенное лицо, как будто сведённое судорогой, и бросив поводья конюху и добавил, — Фу-ты, ну-ты, слава богу, доехали! -Тогда скажи своему хозяину, чтобы он сделал свои козлые сиденье пошире! — ответил могучий пассажир, — Ваш хозяин обязан — и должен быть обязан по закону, под страхом суровых наказаний, — заботиться о комфорте своих ближних! Водитель стал ощупывать свой помятый скелет, что, по-видимому, вызывало у него беспокойство.

— Я на вас сидел? — спросил пассажир.

— Да, на мне! — сказал водитель таким недовольным тоном, словно ему это совсем не понравилось.

— Возьми эту карточку, мой друг!

— Я думаю, что мне не стоит лишать вас этого сокровища! — ответил кучер, бросив на тучного пассажира не слишком благосклонный взгляд, и отодвинул подарок рукой в сторону, — Какой мне от этого прок?

— Станете членом нашего общества! — благосклонно сказал пассажир.

— А что хорошего я приобрету за это? — спросил кучер

— Братство! — свирепым голосом ответил пассажир.

— Спасибо! — сказал кучер выходя из экипажа, и подчеркнуто отвернулся, — Моя мать была довольна собой, и считала, что меня одного ей достаточно! Мне не нужны никакие братья!

— Но они должны быть у вас, — возразил пассажир, тоже спускаясь, — нравится вам это или нет. Я ваш брат!

— Послушайте! — возмутился кучер, все больше раздражаясь. — Не слишком напирайте! И агнёнок примется лягаться, если...

Но тут мистер Криспаркл счёл вмешаться, дружески увещевая:

— Джо, Джо, Джо! Не забывайся, Джо, мой добрый друг!

А затем, когда Джо миролюбиво прикоснулся к шляпе, обратился к пассажиру со словами:

— Мистер... Сладкогрум?

— Да, меня зовут так, сэр!

— А меня зовут Криспаркл!

— Преподобный мистер Септимус? Рад вас видеть, сэр. Нэвилл и Хелена внутри. В последнее время я немного сдал под давлением своих общественных трудов и решил подышать свежим воздухом, спуститься вниз вместе с ними и вернуться ночью. Так, значит, вы и есть преподобный мистер Септимус, не так ли? — протяжно говорит великий филантроп, разочарованно оглядывая его в целом, крутя монокль за ленточку, как будто обжаривал его на вертеле, не находящему другого предназначения., -Ха! Я думал, вы старше, сэр.

— Надеюсь, что так и будет, — последовал добродушный ответ.

— А? — спрашивает мистер Сластигрум, — простите! Это всего лишь неудачная шутка. Не стоит заикливаться!

— Шутка? Я не большой знаток шуток! — хмуро парировал мистер Сластигрум, — Напрасные старания, сэр! Я шуток не понимаю! Где они? Хелена и Нэвилл, идите сюда! Мистер Криспаркл спустился, чтобы встретит вас!

Необычайно красивый, гибкий молодой человек и необычайно красивая, гибкая девушка; очень похожие друг на друга; оба очень смуглые; она почти цыган-

ского типа, он чуть светлее; в них обоих есть что-то дикое; в них есть что-то от охотника и охотницы, за которыми гонятся. Стройные, гибкие, с быстрым взглядом и конечностями; отчасти застенчивые, отчасти дерзкие; взгляд свирепый; во всем их выражении, как на лице, так и на фигуре, в разговоре всегда присутствует долгая, напряжённая пауза, которую можно в равной степени сравнить с паузой перед приседанием или прыжком рыси. Таковы мысленные зарисовки сделанные мистером Криспарклом в течение первых пяти минут общения, если можно было бы перевести их внятно.

Он пригласил мистера Сластигрума на обед, пребывая в смятении (ибо замешательство милой старой фарфоровой пастушки была для него тяжким бременем), и подал руку Хелене Лэндлесс. И она, и её брат, прогуливаясь вместе по древним улицам, испытывали огромное наслаждение от того, что он показывал им развалины собора и монастыря, и удивлялись — так могли дивиться чудесам цивилизации пленники-варвары, привезенные из какой-нибудь дикой тропической страны. Г-н Сластигрум шёл по середине дороги, расталкивая плечами местных жителей, и громко разрабатывал план, который у него был, — совершить облаву на всех безработных в Соединенном Королевстве, посадить их всех до единого в тюрьму и заставить их, под страхом немедленного истребления, покинуть свои дома и стать фанатичными филантропами.

Миссис Криспаркл уж точно достойна сейчас вала филантропии, когда поскольку она только что увидела этот громогласный напор на маленькой дружной компании. Мистер Сластигрум, всегда являвший собой нечто вроде чирья на лице общества, в доме малгоо каноника превратился в злокачественный карбункул. Хотя то, с чем он громко взывал к своим ближним: «Проклинайте свои души и тела, идите сюда и будьте благословенны!» — не было правдой в буквальном смысле, как в шутку обвиняли его местные атеисты, тем не менее его филантропия была настолько пылкой, что трудно было определить разницу между ней и абсолютной неприязнью.

Следовало распустить армию, но сначала привлечь всех командиров, которые выполняли свой долг, к суду военного трибунала за это преступление и расстрелять их всех на месте под громкий барабан. Следовало отменить войны, но для этого нужно было сначала силком обратить людей в свою веру, объявив им войну и заставив их лелеять войну, как зеницу ока. Нужно было заклеить и отменить смертную казнь, но вы должны были предварительно стереть с лица земли всех законодателей, юристов и судей, которые придерживались противоположного мнения. Вы должны были желать добиваться всеобщего согласия и единственным способом достичь этого было устранение всех крб'ючкотворов, которые ленились или сознательно не хотели соглашаться с этим. Вы должны ббыли любить соседа, как своего брата, как самого себя, но вам нельзя обойтись без того, чтобы не поносить его (как будто вы ненавидели его с пелёнок) и злобно обзывать всевозможными словами и кличками.

Прежде всего, вы не должны были ничего делать втайне или на свой страх и риск. Вы должны были в середине дня пойти в офис «Приюта Филантропа» и заявить о себе как о члене и признанном филантропе. Затем вы должны были обязательно оплатить подписку, получить членскую карточку, ленту и медаль, и навсегда приклеиться к трибуне, и всегда говорить то, что сказал мистер Сластигрум, и то, что сказал казначей, и то, что сказал заместитель казначея, и то, что сказал Комитет, и что сказал подкомитет, и что сказал секретарь, и что сказал заместитель заместителя младшего секретаря. И об этом обычно говорилось в резолюции, при-

нятой единогласно и скрепленной печатью, в том смысле, что «это собрание заявляющих о себе филантропов смотрит с негодующим презрением, не без примеси крайнего отвращения» — короче говоря, на низость всех тех, кто к нему не принадлежит, и обязуется сделать им как можно больше неприятностей, совершенно вдаваясь в подробности происходящего.

Ужин прошёл в высшей степени печально. Филантроп нарушил симметрию стола, уселся поперёк прохода, так, что мешал всем усаживаться и довел мистера Топа (который помогал горничной) до безумия, передавая тарелки через голову. Никто ни с кем не мог поговорить, потому что он обращался сразу ко всем, как будто компания не существовала отдельно, а была Собранием имярек. Он арестовал преподобного мистера Септимус, как официальное лицо, к которому следует обращаться, или как своего рода костыль, на который можно удобно повесить свою ораторскую шляпу, и приобрёл раздражающую привычку, распространенную среди таких ораторов, изображать его злокозненным и хилым противником. Так, он спрашивал:

— А теперь, сэр, не собьетесь ли вы с панталык, рассказав мне..., — и так далее, когда невинный человек еще не успел открыть рта и даже не планировал его открывать.

Или он говорил:

Теперь вы видите, сэр, в какую яму вы попали. Я не оставлю вам выхода. После того, как вы израсходовали все средства обмана и лживого красноречия на протяжении многих лет; после того, как вы продемонстрировали сочетание редкой подлости и кровожадной отваги, чегму мир не обрадуется, у вас теперь хватает лицемерия преклонять колени перед самым деградировавшим представителем человечества, подавать прошения в суд, скулить и взывать о пощаде!»

На что несчастный младший каноник смотрел, хлопая глазами, отчасти с негодованием, но больше с недоумением, в то время как его достойная мать сидела, едва сдерживаясь, со слезами на глазах, а остальная компания превратилась в нечто вроде студня, который колыхался, куда бы в него ни ткнули без возможности воспротивиться насилию.

Но поток филантропической благожелательности, который разразился, когда стал приближаться час отъезда мистера Сладкогрума, должно быть, был в высшей степени приятен для чувств этого выдающегося человека. Благодаря особой активности мистера Топа кофе был подан на целый час раньше, чем ему хотелось. Примерно столько же времени мистер Криспаркл просидел с часами в руке, опасаясь, что ему придётся задержаться. Четверо молодых людей были единодушны в том, что часы на соборе пробили три четверти, хотя на самом деле пробило всего час. Мисс Твинклтон прикинула, что до омнибуса двадцать пять минут ходьбы, хотя на самом деле было пять. Все присутствующие с такой нежностью и добротой набросили на него шинель и вытолкали на улицу, залитую лунным светом, как будто он был беглым преступником, которому они сочувствовали, а у задней двери стоял конный отряд. Мистер Криспаркл и его новый подопечный, которые проводили его до омнибуса, так сильно опасались, что он простудится, что немедленно заперли его в автобусе и уехали, имея в запасе еще полчаса.

Глава VII

Больше Одного Секрета

— Я очень мало знаю об этом джентльмене, сэр, — сказал Нэвилл младшему канонику, когда они повернули обратно.

— Вы очень мало знаете о своём опекуне? — повторил младший каноник.

— Почти ничего!

— Как получилось, что он...

— Сделался моим опекуном? Никаких секретов от вас! Я всё расскажу вам, сэр. Полагаю, вы знаете, что мы (моя сестра и я) родом с Цейлона?

— На самом деле, нет!

— Я могу только удивляться этому. Мы жили там с отчимом. Наша мать умерла на Цейлоне, когда мы были маленькими детьми. Мы влачили там жалкое существование. Она назначила его нашим опекуном, а он был скупердяем, который жалел для нас даже еды и одежды. После своей смерти он передал нас этому человеку, по неизвестной мне причине, кроме того, что он был его другом или родственником, чьё имя всегда мелькало в печати и привлекало внимание.

— Это было не так давно, я полагаю?

— Совсем недавно, сэр. Наш отчим был не только грубияном, но и жестоко-сердной скотиной. Хорошо, что он умер вовремя, иначе я рано или поздно прибил бы его.

Мистер Криспаркл резко остановился в лунном свете и в ужасе смотрит на своего исполненного надежд ученика.

— Я удивляю вас, сэр? — спросил он, быстро сменив тон на покорный.

— Ты шокируешь меня, неопишимо шокируешь! Это чёрт знает что такое!

Ученик некоторое время стоит, опустив голову, они немного идут молча, а затем он говорит:

— Вм ведь никогда не приходилось видеть, чтобы кто-то бил вашу сестру, а я не раз и не два видел, как он бьёт мою, и никогда этого не забуду.

— Ничто, — сказал мистер Криспаркл, — даже слёзы любимой и прекрасной сестры, вызванные подлым обращением негодяя, — он невольно приобретал менее суровый вид по мере того, как в нём росло негодование, — не может оправдать те ужасные выражения, которые вы употребили.

— Я сожалею, что употребил их, и особенно по отношению к вам, сэр. Прошу прощения, что вспомнил о них и они пришли на язык. Но позвольте мне поправить вас в одном вопросе. Вы упомянули о слезах моей сестры. Моя сестра скорее позволила бы ему разорвать себя на куски, чем позволила бы ему уповать, что он может заставить её пролить хоть одну слезинку.

Мистер Криспаркл просмотрел свои старые мыслительные заметки, вспомнил свои древние впечатления об общении с это особой и нисколько не удивился, услышав это, не будучи ничего подвергать сомнению.

— Возможно, вам покажется странным, сэр, — это было сказано неуверенным голосом, — что я так скоро прошу вас позволить мне в некотором смысле исповедаться перед вами и сказать парочку слов в свою защиту?

— Защиту? — повторяет мистер Криспаркл, — Вам не нужно защищаться, мистер Нэвилл.

— Я думаю, что защищаюсь, сэр. По крайней мере, я знаю, что мне пришлось бы прибегнуть к защите бы, если бы вы были лучше знакомы со мной.

— Хорошо, мистер Нэвилл, — последовал ответ, — - Что, если вы предоставите мне самому разобраться в этом?

— Раз вам так угодно, сэр, — ответил молодой человек, в его тоне быстро нарастало угрюмое разочарование, — Раз вам угодно ограничить мой порыв, я вынужден подчиниться.

В тоне этого короткого спича было что-то такое, что встревожило добросовестного человека, к которому он был обращён. Это был намёк ему на то, что он может, сам того не желая, отказаться от доверия, благотворной для неокрепшего молодого ума и, возможно, для его способности направлять и поддерживать его. Они оказались в пределах видимости огней в окнах, и он остановился.

— Давайте вернёмся и пройдемся пару раз туда-сюда, мистер Нэвилл, иначе у вас может не хватить времени закончить то, что вы хотели мне сказать. Вы поспешили подумать, что я собираюсь вас остановить. Как раз наоборот. Я призываю вас к полной откровенности!

— Вы сами того не подозревая, приглашали меня, сэр, к этому, с тех пор, как я приехал сюда. Я говорю «с тех пор», как будто пробыл здесь по меньшей мере с неделю. Правда в том, что мы пришли сюда (моя сестра и я), чтобы поссориться с вами, оскорбить вас и снова разорвать наши связи!

— В самом деле? — воздел брови мистер Криспаркл, совершенно не зная, что ещё ему сказать.

— Видите ли, сэр, мы ведь не могли заранее знать вас, кто вы такой, не так ли?

— Очевидно, что так! — сказал мистер Криспаркл.

— И поскольку нам никто не нравился из тех, с кем мы когда-либо сталкивались здесь, мы решили, что вы нам не понравитесь!

— Правда? — снова спросил мистер Криспаркл. — Но вы нам действительно понравились, сэр, и мы видим явную разницу между вашим домом и тем, как вы нас приняли, и всем остальным, что мы когда-либо знали. Это... и то, что я оказался с вами наедине... и то, что после отъезда мистера Сладогрума всё вокруг казалось таким тихим и умиротворённым... и то, что Клойстерхэйм был таким старым, серьёзным и красивым, и Луна освещала его... всё это побудило меня открыть вам моё сердце!

— Я вполне понимаю вас, мистер Нэвилл. И полезно прислушиваться к таким советам.

— Когда я описываю свои недостатки, сэр, я должен попросить вас не думать, что я описываю недостатки моей сестры. Она преодолела все невзгоды нашей жалкой жизни, она настолько же лучше меня, насколько башня собора выше этих чёрных дымоходов.

Мистер Криспаркл в глубине души не был столь уверен в этом.

— Сэр, сколько я себя помню, мне всё время приходилось подавлять смертельную и горькую ненависть. Это сделало меня скрытным и мстительным. Сильная рука всегда тиранически подавляла меня. Это привело меня, в силу моей слабости, к тому, что я стал лживым и подлым. Я был лишён образования, свободы, денег, одежды, самого необходимого в жизни, самых обычных радостей детства, самых обычных вещей юности. Это привело к тому, что мне совершенно не хватает сочувствия и я не знаю таких эмоций, или воспоминаний, или хороших инстинктов — у меня даже нет позывов для этого, понимаете ли! — позывов, которые вам приходилось развивать в других молодых людях, к которым вы привыкли.

«Очевидно, он говорит правду. Но это не внушает особого оптимизма!» — подумал мистер Криспаркл, когда они снова повернули.

— И в заключение, сэр: я вырос среди презренных и раболепных иждивенцев, принадлежащих к низшей расе, и, возможно, у меня с ними возникло некоторое сродство. Иногда я не знаю, но, возможно, в их крови есть капля чего-то тигриного!

«Это замечание из той же оперы!» — подумал мистер Криспаркл.

— Что касается моей сестры, сэр (мы близнецы), то, к её чести, вы должны знать, что ничто в нашем несчастье никогда не могло сломать её, хотя это часто пугало меня. Когда мы убегали от всего этого (за шесть лет мы убегали четыре раза, но вскоре нас возвращали и жестоко наказывали), она всегда планировала и руководила нашим побегом. Каждый раз она переодевалась мальчиком и демонстрировала суровую мужскую отвагу. Насколько я понимаю, нам было по семь лет, когда мы впервые сбежали; но я помню, как, когда я потерял перочинный нож, которым она должна была обрезать волосы, она отчаянно пыталась вырвать их или откусить. Мне больше нечего сказать, сэр, кроме того, что я надеюсь, что вы будете терпеливы и отнесётесь ко мне по крайней мере снисходительно!

— В этом, мистер Нэвилл, вы можете быть уверены, — ответил младший каноник, — Я не проповедую больше, чем в моих силах, и не собираюсь оплачивать вам за доверие проповедью! Но я умоляю вас очень серьёзно и неуклонно помнить, что если я и хочу принести вам какую-то пользу, то только с вашей собственной помощью; и что вы можете эффективно получить её, только обратившись за помощью к Небесам!

— Я постараюсь внести свой посильный вклад, сэр.

— И я, мистер Нэвилл, постараюсь внести свой. Вот моя рука. Да благословит Господь наши начинания!

Теперь они стояли у дверей его дома, и изнутри доносились весёлые голоса и смех.

— Прежде чем войти, мы сделаем ещё один круг, — сказал мистер Криспаркл, — потому что я хочу задать вам ещё один вопрос. Когда вы сказали, что изменили свое мнение обо мне, вы говорили не только за себя, но и за свою сестру?

— Несомненно, я так и думал, сэр!

— Простите, мистер Нэвилл, но, по-моему, с тех пор, как я вас встретил, у вас не было возможности пообщаться с вашей сестрой. Мистер Сластигрум, конечно, сегодня был слишком красноречив, но, возможно, я осмелюсь сказать, без обиняков, что он, скорее, просто воспользовался случаем. Разве вы можете отвечать за свою сестру без достаточных для того оснований?

Нэвилл с гордой улыбкой покачал головой. — Вы еще не знаете, сэр, какое полное взаимопонимание сложилось между мной и моей сестрой, даже если мы не обменялись ни единым словом — возможно, даже взглядом. Она не только чувствует то, что я описал, но и очень хорошо знает, что я воспользуюсь малейшей возможностью поговорить с вами, как ради нее, так и ради самого себя.

Мистер Криспаркл смотрит ему в лицо с некоторым недоверием, но его лицо выражает абсолютную и твёрдую убежденность в правдивости того, что он говорит. Мистер Криспаркл упирается взором в тротуар и как будто размышляет, пока они снова не подходят к его двери.

— На этот раз, сэр, я попрошу вас ещё раз обратиться ко мне, — сказал молодой человек, заливаясь краской, — Что касается красноречия мистера Сладигрума — кажется, вы называли это красноречием, сэр? (несколько лукаво).

— Я... да, я назвал это красноречием, — сказал мистер Криспаркл, — Если бы не красноречие мистера Сладигрума, мне, возможно, не пришлось бы задавать вам тот вопрос, который я собираюсь задать. Это... мистер Эдвин Дру-уд, сэр, кажется, его так зовут?

— Совершенно верно! — говорит мистер Криспаркл.

— Д-р-двойное у-у». Он, кажется, ваш ученик, сэр?

— Ни в малой степени, мистер Нэвилл. Он приезжает сюда навестить своего родственника, мистера Джаспера!»

— Мисс Бад тоже его родственница, сэр?

«С чего бы ему спрашивать об этом с таким внезапным высокомерием?» — мелькает в мозгу мистера Криспаркла. Затем он вслух рассказывает всё, что ему известно об их помолвке.

— О, так вот в чём дело, оказывается! — восклицает молодой человек, — Теперь я понимаю, почему у него такой хозяйский вид!

Это было сказано с таким упором для него самого или для кого угодно, только не для мистера Криспаркла, что последний инстинктивно почувствовал, что заметить это было бы почти равносильно тому, чтобы прочесть отрывок из письма, который он случайно видел через плечо автора. Мгновение спустя они снова входят в дом. Когда они уже в гостиной, мистер Джаспер сидит за роялем и аккомпанирует мисс Роузбад, а она поёт. Из-за того, что он играет аккомпанемент без нот, а она невнимательное маленькое создание, очень склонным ошибаться, он очень внимательно следит за её губами, глазами и руками, время от времени осторожно и мягко намекая на ключевую ноту. Обняв её за плечи, но с лицом, гораздо более сосредоточенным на мистере Джаспере, чем на её пении, стоит Хелена, между которой и её братом вдруг мелькает мгновенное узнавание, в котором мистер Джаспер замечает, или ему кажется, вспыхнувшее взаимное понимание, о котором говорил Нэвилл. Затем мистер Нэвилл занимает своё законное место, прислонившись к роялю, напротив певицы; мистер Криспаркл садится рядом с фарфоровой пастушкой; Эдвин Друд галантно складывает и раскрывает веер мисс Твинклтон; а леди рассеянно смотрит на неё с видом абсолютного собственника, точно так же, как мистер Топ, служитель, ежедневноглядывает внутренность своего собора.

За роялем продолжалась исполнение песни. Это печальная мелодия расставания, и свежий молодой голос звучит очень жалобно и нежно. По мере того как Джаспер смотрит на прелестные губки и снова и снова извлекает из них одну ноту за другой, как будто это его собственный тихий шёпот, голос становился всё менее уверенным, пока внезапно певица не впадает в рыдания и не кричит, закрыв глаза руками: «Я не могу выносить это! Мне страшно! Заберите меня отсюда!»

Одним быстрым движением своей гибкой фигуры Хелена укладывает маленькую красавицу на диван, как будто и не влекла её. Затем, опустившись на одно колено рядом с ней и прикрыв одной рукой её розовые губы, а другой обращаясь ко всем остальным, Елена говорит:

— Ничего страшного, всё прошло; не разговаривайте с ней ещё пар минут, и с ней всё будет в порядке!

В то же мгновение руки Джаспера отрываются от клавиш и замирают над ними, как будто ждут продолжения. В этой позе он по-прежнему сидит спокойно, даже не оглядываясь, в то время как все остальные меняются местами и подбадривают друг друга.

— Киска не привыкла к публике, это факт! — говорит Эдвин Друд, — Она просто занервничала и не смогла сдержаться. Кроме того, Джек, ты такой добросовестный мастер и требуешь так многого, что, я думаю, она тебя боится. Неудивительно.

— Неудивительно, — повторяет Хелена, — Вот, Джек, вы сами слышите! Вы бы испугались его при подобных обстоятельствах, не так ли, мисс Лэндлесс?

— Ни при каких обстоятельствах! — отвечает Хелена. Джаспер опускает руки, оглядывается через плечо и просит поблагодарить мисс Лэндлесс за то, что она так высоко оценила его характер. Затем он принимается молча играть, не ударяя по нотам, в то время как его маленького ученика отводят к открытому окну подышать свежим воздухом и всячески ласкают и приводят в чувство. Когда её приводят обратно, его квартира уже пуста.

— Джек ушёл, Киска! — говорит ей Эдвин, — Я больше всего боюсь, что ему не понравилось, что его обвинили в том, что он был Монстром, который напугал тебя!

Но она не отвечает ни слова и дрожит, как будто они заставили её сильно замёрзнуть. Мисс Твинклтон теперь высказывает мнение, что, де, миссис Кри-спаркл, действительно, уже поздно, и мы припозднились за стенами монашеского приюта, и что мы, взявшие на себя воспитание будущих жен и матерей Англии (последние слова произнесены тихим голосом, поскольку требуют, чтобы они сообщались конфиденциально), действительно были обязанные (снова голос возвышается) подавать лучший пример, чем распутные привычки, потом вносятся мантильи, и два молодых кавалера вызываюся проводить дам домой. Вскоре это сделано, и ворота монашеского дома закрываются за ними. Воспитанницы уже разошлись по домам, и только миссис Тишер в одиночестве дежурит в ожидании новой ученицы. Поскольку её спальня находилась рядом с комнатой Розы, не потребовалось почти ничего представлять или объяснять, прежде чем она была передана на попечение своей новой подруги и ушла спать.

— Это благословенное облегчение, моя дорогая, — сказала Хелена, — Я весь день боялась, что меня остановят именно в это время.

— Нас немного, — возразила Роза, — и мы девушки добродушные; по крайней мере, остальные такие же; я могу за них поручиться.

— За тебя я могу поручиться! — рассмеялась Хелена, вглядываясь в прелестное личико своими тёмными, горящими глазами и нежно лаская маленькую фигурку, — Ты будешь мне другом, не так ли?

— Я надеюсь на это. Но мысль о том, что я могу быть тебе другом, кажется слишком абсурдной!

— Почему?

— О, я такая крошка, а ты такая женственная и красивая. Кажется, у тебя достаточно решимости и силы, чтобы сокрушить меня! Я превращаюсь в ничто, когда я рядом с тобой!

— Я заброшена, моя дорогая, не знакома ни с какими достижениями, прекрасно сознаю, что мне есть чему поучиться, и глубоко стыжусь своего невежества!

— И тем не менее ты признаёшься мне во всём! — сказала Роза.

— Моя прелесть, что я могу поделаться? В тебе есть что-то притягательное».

— О! Правда? — надула губки Роза, нащёптывая наполовину в шутку, наполовину всерьёз, — Как жаль, что мастер Эдди не чувствует этого!

Конечно, о её отношениях с этим молодым джентльменом уже было известно в доме малого каноника.

— Но ведь он, несомненно, любит вас всем сердцем! — воскликнула Елена с искренностью, которая грозила перерасти в ярость, если бы он этого не сделал.

— А? О, ну, я полагаю, что да, — сказала Роза, снова надув губки, — Я уверена, что не имею права говорить, что это не так. Возможно, это моя вина. Возможно, я не так добра к нему, как следовало бы. Не думаю, что это так. Но это так нелепо!

Глаза Елены требовали ответа.

— Что нелепо?

— Что мы такие», — сказала Роза, отвечая так, как будто она это сказала, — Смешные! Мы такая нелепая пара. И мы постоянно ссоримся!

— Почему?

— Потому что мы обе знаем, как мы смешны, моя дорогая!

Роза ответила так, словно это был самый убедительный ответ в мире. Несколько мгновений властный взгляд Елены был сосредоточен на её лице, а затем она импульсивно протянула обе руки и сказала: — Ты будешь моим другом и помо- жешь мне?

— Конечно, моя дорогая, я так и сделаю, — ответила Роза с детской нежностью, и так искренне, как будто сказала это всем сердцем, — Я буду таким хорошим другом, каким только может быть такое ничтожество для такого благородного создания, как вы. И будьте мне другом, пожалуйста, я сама себя иной раз не понимаю, и мне очень нужен друг, который поможет мне понять себя!

Хелена Лэндлесс целует её и, взяв за обе руки, спрашивает: «Кто такой мистер Джаспер?

Роза, отвернувшись, отвечает: «Дядя Эдди и мой учитель музыки!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.